
Есения
Цветкова
МУЖ
ПРОТИВ РАЗВОДА

Есения Цветкова)
Муж Против Развода

https://litres.ru/74717604

Аннотация

Роза вышла замуж за герцога Артура Альба с любовью в сердце. Но суровый воин с боевыми шрамами, защитник империи Сильдавия, оставался холоден. Она старалась быть безупречной герцогиней, а он лишь держал дистанцию и отмахивался от её чувств.

Всё рухнуло, когда в их доме появилась Анжелика Крисли — подруга детства Артура, не скрывавшая своих намерений.

Ревность, выкидыш, лихорадка, смерть. А затем Роза открыла глаза — живая.

Время повернулось вспять, подарив ей второй шанс. Теперь она не намерена повторять прежних ошибок и готова бежать.

Но вот незадача: муж, прежде ледяной и неприступный, вдруг стал ласковым и внимательным. Он смотрит на неё так, будто готов удержать любой ценой.

Только Розу этим не обмануть.Или всё же?

История о втором шансе, где холодное сердце воина бьётся чаще, чем он готов признать, а любовь оказывается сильнее смерти.

Содержание

1 глава. 4
2 глава. 26
3 глава. 42
4 глава. 72
5 глава. 108
Конец ознакомительного фрагмента. 139

1 глава.

От лица Розы Альба

Я открыла глаза и увидела балдахин.

Темно-синий бархат, расшитый серебряными нитями. Фамильный герб Альба — скрещенные мечи на фоне горного пика.

Я закричала. Или попыталась — из горла вырвался только хрип.

Я села. Руки тряслись. Сердце колотилось где-то в горле. Я ощупывала себя — живот плоский, тело легкое, никакой боли, никакой лихорадки.

Комната была та же. Герцогская спальня в замке Альба. Но что-то было не так. Свет — он был не тот. Запах — он был другой. Все было так, каким я помнила это... когда?

Я встала — босая, в ночной рубашке, которая была мне слегка велика. Подошла к окну. Отдернула штору.

Внутренний двор. Утро. Слуги у конюшни запрягают лошадей. На плацу тренируется стража. Капитан Маркус размахивает руками, командуя. Все как всегда. Кроме...

Я присмотрелась. Фонтан. Его починили. Я помнила, что фонтан был сломан — трещина пошла после прошлогодних морозов. Но сейчас вода била исправно. И еще — клумба у восточной стены. Розы, которые я велела посадить три месяца назад. Их не было. Вместо них рос старый кустарник,

который я приказала выкорчевать.

Что за чертовщина?

Я опустила взгляд на свои руки. Кольцо. Обручальное кольцо — серебро с гербом Альба. Я помнила, как в лихорадке оно соскользнуло с исхудавшего пальца и упало на пол. Элиза подняла его и положила на столик у кровати. Но сейчас оно было на месте.

Я умерла. Я помнила, как умерла. Я видела темноту, чувствовала, как уходит жизнь. Я попрощалась с мужем.

Но я была жива.

И тут оно хлынуло — все сразу.

Свадьба. Первая брачная ночь. Холодные месяцы ожидания. Беременность. Анжелика. Выкидыш. Лихорадка. Смерть.

***

Первые месяцы брака я старалась изо всех сил.

Вставать приходилось ни свет ни заря. Замок Альба был огромным — не чета нашему скромному графскому поместью. Здесь было больше ста слуг, три кухни, две библиотеки, оружейная, конюшня на сорок лошадей, псарня, соколятня. Всё это требовало надзора. Всё это требовало твердой женской руки.

Я училась всему на ходу. Бухгалтерские книги, которые вел старый мажордом, поначалу казались мне китайской грамотой. Я просиживала над ними до полуночи, сверяя расходы на зерно, фураж, свечи, жалованье прислуги.

Ключница, госпожа Марта, сухопарая женщина с вечно поджатыми губами, поначалу смотрела на меня с откровенным недоверием. Думала, наверное, что юная герцогиня — пустышка, которая будет только мешать. Но я не отступала. Записывала каждое имя, запоминала каждую мелочь. У кухарки Агнесс — больная мать в деревне, ей нужен лишний выходной раз в месяц. У старшего конюха Томаса — сын-подросток, которого пора пристраивать в ученики к кузнецу. У горничной Элизы — слабые легкие, ей вредно работать в сырых помещениях.

Через два месяца Марта посмотрела на меня с чем-то похожим на уважение.

— Вы хорошо справляетесь, ваша светлость, — сказала она однажды после утреннего обхода.

— Спасибо, Марта, — ответила я, и в груди потеплело.

Но мои старания замечали все, кроме одного человека. Кроме того, ради кого я все это делала.

Герцог почти не бывал дома. Через неделю после свадьбы его вызвали в столицу — какое-то важное совещание с императором. Потом — инспекция северных фортов. Потом — очередная стычка с кочевниками на перевале. Он приезжал на три дня, на пять, максимум на неделю, и снова исчезал.

Каждое его возвращение я встречала в холле. С улыбкой. С вопросом о здоровье. С докладом о делах в замке. Он слушал, кивал, иногда говорил: «Хорошо, продолжайте в том же духе». И уходил к себе в кабинет.

Иногда мне казалось, что я — не жена, а управляющая, которую наняли для ведения хозяйства.

Но я не жаловалась. Я помнила наставления матушки: «Мужчина ценит в женщине терпение. Не будь навязчивой. Дай ему время».

И я давала ему время. Я ждала.

Вечерами, когда он возвращался из поездок, я садилась рядом с ним у камина. Он просматривал какие-то бумаги, карты, донесения. Я брала вышивание или книгу и сидела тихо, боясь нарушить его покой. Иногда я начинала рассказывать ему о том, что случилось за день, — о сгоревшем пироге, о новом сорте роз, который высадил садовник, о том, как младший конюх влюбился в дочку кузнеца.

Мне казалось, что эти истории делают нас ближе. Что так и выглядит семейная жизнь — муж работает, жена делится мелочами. Что именно из таких мелочей и строится близость.

Но однажды, рассказывая о том, как повар пересолил суп и весь замок хохотал, я заметила, что герцог меня не слушает. Его взгляд был прикован к карте. Он даже не кивал — он просто меня не слышал.

Я замолчала на полуслове. Он не заметил.

Потом, конечно, он поднял голову:

— Вы что-то сказали?

— Нет, милорд. Ничего важного.

Я больше не рассказывала ему о мелочах. Я вообще стара-

лась меньше говорить в его присутствии. Мне казалось, что его тяготит моя болтовня.

А позже я поняла главное: ему было неинтересно. Я была неинтересна. Вся моя жизнь, все мои мысли, заботы и радости — все это пролетало мимо него, как осенние листья мимо окна.

Он исполнял супружеский долг — раз в две-три недели, когда бывал дома. Всегда молча. Всегда сдержанно. Иногда мне казалось, что он смотрит сквозь меня — на стену, на герб, на что-то, видимое ему одному. Он ни разу не поцеловал меня за пределами спальни. Ни разу не сказал, что я красивая. Ни разу не спросил, о чем я думаю, чего хочу, о чем мечтаю.

Но я все еще надеялась. Я говорила себе: он просто такой человек. Военный. Привыкший к дисциплине и одиночеству. Он не умеет выражать чувства, но это не значит, что их нет. Надо только подождать. Надо только постараться еще немного.

И однажды, думала я, он посмотрит на меня — и увидит. По-настоящему увидит.

Он посмотрел. Но это было потом. И совсем не так, как я мечтала.

***

Это случилось через четыре месяца после свадьбы.

Герцог вернулся из очередной поездки особенно мрачным. На границе было неспокойно — кочевники объедини-

лись под началом какого-то нового вождя и начали крупные набеги. Он почти не выходил из кабинета, совещался с офицерами, рассылал гонцов.

А я узнала, что беременна.

Уже неделю меня мутило по утрам. Грудь стала чувствительной, появилась странная слабость. Старая Марта, ключница, первая заметила — посмотрела на меня за завтраком, когда я отодвинула тарелку с яичницей, и понимающе кивнула.

— Позвать доктора, ваша светлость?

Доктор — пожилой господин Винсент, служивший семье Альба еще при отце герцога, — подтвердил мои догадки. Срок маленький, около месяца, но сомнений нет. Я жду ребенка.

Я помню, как сидела в кресле после его ухода и не могла поверить своему счастью. Ребенок! У меня будет ребенок. Наследник герцога Альба. Маленький человечек, который будет любить меня просто за то, что я его мама.

Я хотела сразу побежать к мужу. Поделиться новостью. Увидеть его лицо — может быть, впервые за все время он улыбнется мне.

Но я не пошла. Испугалась.

Что, если он не обрадуется? Что, если он посмотрит на меня своим обычным холодным взглядом и скажет: «Хорошо, я обеспечу все необходимое»? Или того хуже — промолчит? Или скажет, что сейчас не время, слишком сложная обста-

новка на границе?

Я решила подождать. Выбрать подходящий момент. Когда он будет в настроении, когда отдохнет, когда мы останемся вдвоем.

Момент все не наступал. Дни шли, а герцог был занят, раздражен, недоступен. Я носила свою тайну в себе — драгоценную, хрупкую, страшную. И чем дольше я молчала, тем тяжелее становилось сказать.

В ту ночь я проснулась от того, что меня снова тошнило. Осторожно, чтобы не разбудить мужа, я выбралась из постели и подошла к окну. Открыла створку — холодный ночной воздух хлынул в комнату. Я стояла и смотрела на луну, кутаясь в плед.

И вдруг заплакала.

Это были не тихие, сдержанные слезы, которые я позволяла себе в подушку. Это были рыдания — беззвучные, сотрясавшие плечи. Я не могла остановиться. Я плакала от страха, от одиночества, от усталости. От того, что я жду ребенка от человека, который меня не любит. От того, что я не знаю, как сказать ему об этом. От того, что впереди — неизвестность, и мне страшно.

Я стояла у окна и думала о своей матушке. Как она носила меня? Как отец смотрел на нее, когда узнал? Она рассказывала: он взял ее на руки и закружил по комнате, а потом побежал звонить в колокол, чтобы объявить всему поместью.

А мой муж спит. И ему все равно.

Я услышала за спиной шорох. Обернулась — герцог повернулся на другой бок. Мне показалось или он смотрит на меня?

Нет. Спит. Или притворяется.

Я простояла у окна до рассвета. А утром герцог уехал на очередные две недели. И я ничего ему не сказала.

***

Он вернулся холодным октябрьским вечером. Я встретила его в холле, как всегда — с улыбкой, с бокалом подогретого вина, которое он любил после дороги. Смотрела на него и гадала: скажет ли он что-нибудь? Заметит ли, что я похудела? Что под глазами тени?

— Добрый вечер, милорд. Как прошла поездка?

— Приемлемо, — ответил он, снимая перчатки. — Ужин подавайте в кабинет, у меня много работы.

— Конечно, милорд.

Но я не ушла. Я стояла перед ним, сжимая руки, и чувствовала, как колотится сердце. Сейчас или никогда. Сейчас. Скажи. Просто скажи...

— Милорд, — выдохнула я, — я должна вам кое-что сообщить.

Он поднял бровь. В его карих глазах мелькнуло что-то — может быть, раздражение от того, что его задерживают от работы.

— Слушаю.

— Я... я жду ребенка. Доктор Винсент подтвердил. При-

мерно два месяца.

Повисла пауза. Тишина, в которой я слышала, как трещат дрова в камине и как где-то далеко лает собака.

— Хорошо, — сказал он. — Я обеспечу все необходимое. Распорядитесь, чтобы доктор регулярно вас осматривал.

И всё. Он кивнул мне — коротко, по-деловому — и ушел в кабинет. Его шаги затихли в конце коридора, а я все стояла в холле, глядя ему вслед.

«Я обеспечу все необходимое». Словно я просила новую карету. Словно я сообщила ему о поломке в конюшне. Словно речь шла не о нашем ребенке, а о статье расходов.

«Хорошо». Он сказал «хорошо». Не «я счастлив». Не «это чудесная новость». Не «иди ко мне, дай я тебя обниму». Просто «хорошо».

Я поднялась в спальню. Села на край постели — той самой, где он исполнял свой супружеский долг раз в две недели, глядя в стену. И разрыдалась.

В тот вечер что-то сломалось во мне окончательно. Какая-то последняя, тонкая, как паутинка, ниточка надежды. Я больше не верила, что он меня полюбит. Я больше не верила, что стану для него кем-то бóльшим, чем управляющая замком и мать его наследника.

Но у меня будет ребенок. Мой ребенок. Маленькое существо, которое будет любить меня. И я буду любить его — больше всего на свете. Я отдам ему всю ту любовь, которую мой муж отверг.

Я говорила себе это, вытирая слезы. Я убеждала себя, что этого достаточно. Что я справлюсь.

А потом в нашем доме появилась Анжелика.

***

Это был холодный ноябрьский вечер. Ветер выл в трубах, дождь хлестал по стеклам. Я сидела в малой гостиной, перебирала детские вещи — мы с горничной как раз начали готовить приданое для малыша. Крошечные распашонки, чепчики, пеленки — я перебирала их и улыбалась.

В замке было тепло и тихо. Герцог только что вернулся из поездки по северным фортам — усталый, продрогший. Я сама принесла ему горячего вина в кабинет. Он даже кивнул мне почти любезно.

И вдруг — шум в холле. Голоса. Звонкий женский смех.

Я насторожилась. Отложила шитье и вышла в коридор.

Внизу, в холле, рядом с моим мужем стояла женщина. Молодая, стройная, светловолосая. На ней было дорожное платье из синего бархата — слишком нарядное для дороги, слишком дорогое для обычной посетительницы. Ее лошадь, которую как раз уводил конюх, была породистой, с блестящей шерстью и серебряной сбруей.

Она обнимала моего мужа.

Обнимала. Моего мужа. В моем доме.

Я замерла на лестнице. Сердце бешено колотилось.

— Артур! Сколько лет! — щебетала она, отстраняясь и разглядывая его. — Ты совсем не изменился! Все такой же

мрачный и красивый!

Герцог не улыбался, но и не отстранял ее. Он стоял спокойно, руки за спиной, и смотрел на нее с каким-то странным выражением.

— Анжелика, — произнес он. — Какими судьбами?

Анжелика. Я вспомнила — он упоминал это имя однажды. Дочь какого-то барона, соседка по северным землям. Они росли вместе, играли в детстве. Он говорил о ней мельком, без особого интереса. Я тогда не придала значения.

Но теперь она стояла в нашем холле и смотрела на моего мужа так, словно имела на это право.

Я спустилась. Медленно, стараясь не показать волнения. Сложила руки на животе — в защитном жесте.

— Милорд? — позвала я тихо.

Он обернулся. Наши взгляды встретились.

— Роза, — сказал он. — Познакомься. Это Анжелика Крисли, дочь моего старого соседа. Она поживет у нас некоторое время.

Он сказал это так просто, так буднично. Словно речь шла о том, чтобы приютить бездомного котенка. Словно не требовалось спросить моего мнения. Словно это не был наш общий дом.

Я посмотрела на Анжелику. Она улыбалась — лучезарно, открыто. Но в ее голубых глазах мелькнуло что-то такое, от чего у меня по спине пробежал холодок.

— Добро пожаловать в наш дом, — сказала я ровно, как

подобает хозяйке.

— О, вы, должно быть, Роза! — она всплеснула руками. — Артур рассказал мне о вас!

«Артур». Она назвала его по имени. Не «герцог», не «милорд» — просто «Артур». Так, как имела право называть его только я, его жена.

Я улыбнулась. Герцогине не пристало показывать ревность.

— Надеюсь, вам будет удобно, леди Крисли. Я распоряжусь, чтобы вам приготовили комнату.

— О, пожалуйста, зовите меня просто Анжелика! — она подошла ко мне и взяла за руки. — Мы ведь теперь почти семья, правда?

Почти семья.

Я выдержала ее взгляд. Не отвела своего. Я была дочерью графа Лотаринского и женой герцога Альба. Я не позволю какой-то провинциальной баронессе унизить меня.

— Комнату, — повторила я, мягко высвобождая руки. — Слуги проводят.

Я развернулась и ушла. С прямой спиной. С гордо поднятой головой.

Но внутри меня все дрожало.

***

Анжелика освоилась в замке с пугающей быстротой.

Уже через три дня она знала, где находится библиотека, оружейная, конюшня, малая и большая столовые. Через

неделю — имена всех слуг. Через две — распорядок дня герцога.

Это последнее я заметила особенно отчетливо. Анжелика появлялась именно там, где был Артур. Утром, когда он выходил на прогулку перед завтраком, она уже сидела в саду — свежая, в легком платье, с книгой в руках. Днем, когда он работал в кабинете, она находила повод зайти — то спросить совета о каком-то мифическом наследстве, то попросить книгу из его личной библиотеки. Вечером, когда он отдыхал у камина, она садилась напротив и начинала вспоминать детство.

— А помнишь, Артур, как мы лазали на старый дуб? Ты упал и разбил колено, а я перевязывала тебе рану своим платком!

— Помнишь, как ты учил меня стрелять из лука? Я все стрелы переломала, а ты злился, но не показывал виду!

— А помнишь, как мы играли в свадьбу? Ты был женихом, а я невестой. Кто бы мог подумать, что ты женишься на другой!

Это последнее она сказала со смехом, но взгляд, брошенный на меня, был острым как бритва. Мол, смотри, что ты у меня украла.

Герцог слушал. Иногда улыбался — редко, скупо, но улыбка все равно пробивалась сквозь его обычную холодность. Они говорили о вещах, которых я не знала и не могла знать. О людях, с которыми я никогда не встречалась. О ме-

стах, где я никогда не была.

Я сидела в углу с вышиванием и чувствовала себя лишней. Чужой в собственном доме.

Я пыталась быть разумной. Говорила себе: она просто подруга детства. Они выросли вместе. Естественно, у них есть общие воспоминания. Это ничего не значит. Герцог — мой муж, и он никогда не давал повода сомневаться в его верности.

Но потом я стала замечать другое.

То, как она смотрела на него. Не как на друга детства. Как на мужчину. Долгие, задерживающиеся взгляды. Быстрые улыбки. Поправленные волосы и прикушенные губы.

То, как она касалась его. При каждом удобном случае. Поправить воротник. Смахнуть пылинку с плеча. Дотронуться до руки, когда смеялась над его словами.

То, как она одевалась. Ее первые наряды были скромными — дорогими, но сдержанными. Но прошла неделя, и она начала выходить к ужину в платьях с глубоким декольте, с открытыми плечами, с прозрачными вставками. Она красилась. Душилась. Она явно старалась выглядеть привлекательной.

Для кого? Ответ был очевиден.

И еще — ее фразы. Она постоянно подчеркивала, как давно знает герцога. Как хорошо его понимает. Как много у них общего.

— О, Артур никогда не любил сладкое, — говорила она,

отодвигая от него десерт. — Я это с детства помню. Правда, дорогой?

«Дорогой». Она назвала его «дорогой». Прямо при мне.

Герцог не поправлял ее. Не делал замечаний. Вообще не замечал, что что-то не так.

Или делал вид, что не замечает.

***

«Мама, я устала. Я больше не могу. Он холоден как лед, а в нашем доме живет женщина, которая смотрит на него голодными глазами. Я не знаю, что делать. Я думала, что смогу завоевать его любовь. Я ошиблась».

Я дописала, сложила письмо, но не отправила. Просто положила в шкатулку и заперла.

На следующий день я потеряла ребенка.

***

Это случилось рано утром. Солнце еще не встало, за окнами висел серый ноябрьский туман. Я проснулась от боли — резкой, режущей, внизу живота.

Сначала я подумала, что это обычное недомогание. Такое бывает на ранних сроках, говорил доктор. Но боль не проходила. Она усиливалась — волнами, спазмами, от которых темнело в глазах.

Я попыталась встать — и вскрикнула. По ногам потекло теплое. Я опустила взгляд и увидела кровь.

Много крови. Слишком много.

— Помогите, — прошептала я. А потом закричала: — По-

могите! Кто-нибудь!

Дверь распахнулась. Кажется,Сарра была где-то рядом. Она увидела меня — и побледнела как полотно.

— Ваша светлость! Боже мой! Я сейчас, я позову доктора!

Дальше все было как в тумане. Крики, беготня, чьи-то руки, которые поднимали меня и укладывали обратно. Боль — белая, ослепляющая, разрывавшая тело изнутри. И кровь — теплая, липкая, пропитывавшая простыни.

Я помню, как появился герцог. Его лицо — бледное, напряженное. Он что-то говорил, но я не слышала слов. Он держал меня за руку — впервые за долгие месяцы он держал меня за руку не по обязанности, а по-настоящему, сильно, почти до боли.

— Роза, — повторял он. — Роза, держись. Врач сейчас придет.

Но врач уже пришел. Старый доктор Винсент колдовал надо мной, что-то делал, давал какие-то капли. Его лицо было мрачным.

— Простите, — прошептала я, глядя на мужа. — Простите... я не смогла...

— Молчи, — хрипло сказал он. — Молчи, все будет хорошо. Врач сделает все возможное.

Но я знала — хорошо не будет. Я чувствовала, как жизнь уходит из меня. Не только ребенка — моя собственная жизнь, моя душа, моя надежда. Все утекало вместе с кровью.

Я потеряла сознание. А когда очнулась — был уже вечер.

В комнате горела свеча. У постели сидела Сарра. Она плакала.

— Ваша светлость, — она сжала мою руку. — Простите... ребенок...

Я закрыла глаза. Ребенка нет. Моего маленького, моего родного, моего единственного. Того, кого я уже любила больше жизни. Того, кто должен был любить меня.

— Доктор сказал... — Сарра всхлипнула, — доктор сказал, что это из-за стресса. Из-за волнений. Вы слишком много нервничали, ваша светлость.

Стресс. Волнения. Да, я много нервничала. Я плакала ночами. Я смотрела, как чужая женщина охотится за моим мужем. Я слушала, как родной человек называет меня «капризной девчонкой».

И мое тело не выдержало. Оно предало меня. Оно убило моего ребенка — моего малыша, который был ни в чем не виноват.

— Мне очень жаль, ваша светлость, — прошептала Сарра.

Я ничего не ответила. Просто лежала и смотрела в потолок.

В тот день я умерла в первый раз.

***

Следующие дни я почти не помню. Я лежала в постели и смотрела в стену. Ела, когда приносили еду. Пила, когда подавали воду. Но внутри меня была пустота. Огромная, черная, всепоглощающая.

Герцог приходил. Садился у постели. Держал за руку. Что-то говорил. Я не слушала. Какая разница, что он говорит? Ребенка не вернуть.

Я знала, что Анжелика уехала. Слуги рассказали — герцог выгнал ее в тот же день, когда я потеряла ребенка. Грубо, без церемоний. Она плакала, кричала, что-то требовала. Он просто велел страже вывести ее за ворота.

Но мне было все равно. Она уехала, но ребенок не вернулся. Ее выгнали — но что это меняло? Муж, который не смог защитить меня при жизни моего малыша, теперь прогонял ту, из-за кого я страдала. Слишком поздно. Слишком.

Если бы он сделал это раньше. Если бы он послушал меня. Если бы он обнял меня вместо того, чтобы говорить «по-взрослей». Если бы...

Бесконечные «если бы», которые крутились в голове, как заезженная пластинка.

Герцог пытался разговаривать. О чем — не помню. Кажется, о том, что все наладится. Что у нас еще будут дети. Что нужно только время.

«У нас будут дети». Я смотрела на него — и не видела. Чужой человек. Холодный, покрытый шрамами мужчина, с которым я прожила почти год и которого так и не смогла полюбить по-настоящему.

Нет, это неправда. Я любила его. В том-то и дело. Я любила его, а он растоптал мою любовь. Растоптал молча, спокойно, без злобы — просто потому, что не умел по-другому.

Или не хотел.

И теперь, когда я смотрела на него, я не чувствовала ничего. Даже боли. Даже обиды. Только пустоту.

Наверное, в этом и есть настоящая смерть любви. Не в ненависти, не в разочаровании. А в пустоте. В звенящем, ледяном безразличии.

***

А потом началась лихорадка.

Сначала доктор думал — обычная простуда. Организм ослаблен после выкидыша, иммунитет на нуле, неудивительно, что я подхватила инфекцию. Он прописал теплое питье, травяные отвары, покой.

Но мне не становилось лучше. Температура поднималась все выше. Я металась в бреду, то проваливаясь в тяжелое забытье, то выныривая из него на несколько минут.

В бреду я видела маму. Она сидела у моей постели и гладила меня по голове, как в детстве, когда я болела. Я видела Теодора — он вырос, стал высоким, красивым юношей, и смотрел на меня с тревогой.

Я видела нашего ребенка. Маленького, с темными волосами, как у отца. Он звал меня, тянул ручки, но я не могла до него дотянуться.

И еще я видела герцога. Он был рядом — я знала это, хотя в бреду мне казалось, что это сон. Он держал меня за руку. Иногда что-то говорил. Его голос пробивался сквозь горячечный туман:

— Роза... прошу тебя... держись...

Я пыталась ответить, но губы не слушались. Я хотела сказать: «Зачем ты здесь? Ты же не любишь меня. Ты никогда меня не любил. Уходи. Оставь меня в покое».

Вместо этого из горла вырывались какие-то бессвязные звуки.

Однажды ночью — или днем? я уже не различала — я открыла глаза и увидела его лицо. Он сидел на краю постели, бледный, осунувшийся, с темными кругами под глазами. Его карие глаза смотрели на меня — и в них было что-то... странное. Что-то, чего я никогда не видела раньше.

Страх. Настоящий, животный страх.

— Роза, — прошептал он. — Не уходи. Пожалуйста. Я знаю, что я... я был дураком. Я все исправлю. Только не уходи.

Я хотела рассмеяться. Исправить? Что можно исправить, когда ребенок мертв? Когда любовь умерла? Когда я сама уже почти на том свете?

Но смеяться не было сил. Я просто закрыла глаза и провалилась в темноту.

***

Вся моя жизнь — точнее, та жизнь, которую я уже прожила, — пролетела перед глазами, как страшный сон, от которого наконец проснулась.

Я опустилась на пол. Прислонилась спиной к стене. Обхватила колени руками. И засмеялась.

Это был нервный, истерический смех — смех человека, который только что понял, что получил второй шанс.

Я жива. Я снова здесь. В этом замке, с этим мужчиной, в этой проклятой ситуации. Но теперь я знаю, что будет дальше. Я знаю каждую ошибку, которую совершила в прошлой жизни. Каждую иллюзию, которой тешила себя. Каждую надежду, которая разбилась.

В прошлой жизни я была наивной девочкой, которая верила в любовь. Которая думала, что терпением и кротостью можно завоевать сердце мужчины. Которая ждала, надеялась, плакала в подушку и в итоге потеряла все — ребенка, здоровье, жизнь.

Теперь все будет иначе. Я не повторю своих ошибок. Я не позволю снова себя сломать. Я не стану ждать любви от человека, который не способен ее дать.

Я встала. Посмотрела на себя в зеркало. На меня смотрела Роза Альба, дочь графа Генри и графини Лилианы Лотаринских— юная, красивая, с живыми карими глазами. Не та бледная тень, в которую я превратилась к концу прошлой жизни. Настоящая Роза.

Дорогой читатель! Приветствую!❤#

Это моя новая книга, поддержи меня лайком и комментарием! ❤#

Я благодарна каждому за поддержку, все, кто отписывается и поддерживает звездочкой. ❤

P.S. Я не сидела без дела эти месяцы, хоть и много работала. Всех люблю!

2 глава.

От лица Артура Альба

Сталь вошла под ребро — глубоко, с хрустом, знакомым каждому, кто хоть раз бывал в настоящей рубке. Артур даже не сразу понял, что это конец. Он продолжал рубиться, раздавая удары направо и налево, пока сабля не выпала из онемевших пальцев, а колени не подогнулись сами собой.

Кочевники накатывали волнами — грязные, визжащие, размахивающие кривыми клинками. Их было слишком много. Всегда было слишком много. Северная граница империи Сильдавия уже двадцать лет держалась на таких, как он — на людях, которые умели убивать быстрее, чем думать, и думать быстрее, чем бояться.

Он упал на одно колено. Кровь текла по боку горячей рекой, заливая посеченную кольчугу, пропитывая поддоспешник. В ушах стоял звон — не от удара, нет, от усталости. От бесконечной, выматывающей усталости, которая копилась годами. Десятилетиями.

Перед глазами пронеслось лицо Розы.

Вот что было странно — не знамена, не карта боя, не лица солдат, которых он вел в атаку. Ее лицо. Тонкие черты, карие глаза, в которых всегда было слишком много чувств — любви, надежды, боли. Он видел эти глаза в день свадьбы, когда она впервые подняла на него взгляд из-под фаты. Ви-

дел их каждую ночь, когда возвращался из походов и находил ее спящей в кресле у окна — она всегда ждала его, даже когда он просил не ждать.

А потом он увидел другие ее глаза — пустые, стеклянные, когда она лежала в лихорадке и уже не узнавала никого. Когда смотрела сквозь него, словно он уже стал призраком.

— Милорд! — кто-то кричал над ухом. — Милорд, держитесь!

Но он уже не держался. Он падал — в темноту, в холод, в ту самую пустоту, которую носил в груди с тех пор, как Роза умерла. С тех пор, как он не смог ее защитить.

«Я иду к тебе, Роза. Прости меня».

Это была его последняя мысль.

А потом не стало ничего.

***

Он открыл глаза и увидел балдахин.

Темно-синий бархат, расшитый серебряными нитями. Фамильный герб Альба — скрещенные мечи на фоне горного пика — в центре, вышитый рукой мастерицы, которую он помнил с детства.

Артур моргнул.

Балдахин не исчез.

Он лежал в своей постели. В герцогской спальне. В замке Альба. Но этого не могло быть — он помнил грязь и кровь северного перевала, помнил, как последний раз вздохнул, глядя в серое небо над головой. Он умер. Он точно умер.

Герцог резко сел.

Рука метнулась к боку — туда, где должна была зиять глубокая рана от кочевнической сабли. Но пальцы нащупали лишь старые шрамы — рельефные, грубые, загрубевшие за многие годы. Никакой свежей раны. Никакой крови.

Он оглядел себя. Длинный рубец через левое плечо. След от стрелы под ключицей. Ожог на предплечье — память о битве при Красных Холмах. Все шрамы на месте. Кроме самых свежих.

Кроме тех, которые должны были быть.

Артур встал с постели. Движения были резкими, отточенными годами военной муштры — тело слушалось его, как хорошо смазанный механизм. Он прошел к окну, рывком отдернул штору.

За окном расстилался внутренний двор замка. Утреннее солнце золотило каменные стены, играло бликами на воде в фонтане. У конюшни суетились слуги, запрягали лошадей. На плацу тренировалась стража — он узнал капитана Маркуса по характерной манере командовать, размахивая руками.

Все было таким, каким он помнил это... когда? Год назад? Полтора?

Артур опустил взгляд на свои руки. На левом мизинце поблескивал фамильный перстень — серебро с черным ониксом, печатка герцогов Альба. Точно такой же перстень он носил всю жизнь. Тот самый перстень, который был на нем,

когда он погиб в северном ущелье.

— Что за чертовщина... — пробормотал он.

И тут оно нахлынуло.

Воспоминания.

***

Они обрушились на него как горная лавина, как река, прорвавшая плотину. Не те воспоминания, что хранились в голове — эти были другими. Они принадлежали ему, и одновременно были чужими. Теми же, но увиденными под другим углом. Словно кто-то взял его жизнь, перебрал каждое мгновение и показал, где он ошибся.

Свадьба.

Он вспомнил день свадьбы с такой яркостью, будто это случилось вчера. Храм Святого Фердинанда в столице. Тысячи свечей. Запах ладана и белых роз. И она — Роза Лотаринская, его невеста, его будущая жена.

Она шла по проходу, и он, старый солдат, повидавший смерть в сотне обличий, забыл, как дышать.

Ей было девятнадцать. Ему — тридцать три. Она была юной, свежей, как весенний цветок. Он — грубым, покрытым шрамами воякой, который провел больше времени в седле, чем в собственной постели. Брак устроили их родители задолго до того, как они встретились. Договорной брак, политический союз, выгодный обеим семьям.

Но когда Артур впервые увидел Розу — не на портрете, не в письмах, а живую, настоящую — он понял, что пропал.

Она была не просто красива. Она была... светлой. Словно кто-то зажег свечу в темной комнате его жизни. У нее были каштановые волосы, уложенные в замысловатую прическу, и огромные карие глаза, в которых читалось все: страх, волнение, любопытство и что-то еще, что он тогда не смог распознать.

Теперь, перебирая воспоминания, он знал: это была надежда. Она надеялась, что он окажется хорошим мужем. Что их брак будет не просто договором, а чем-то большим.

Он подвел ее.

Он вспомнил первую брачную ночь. Как она дрожала — не от холода, от страха. Как смотрела на его шрамы, на грубую карту рубцов, пересекавших грудь и плечи. Как попыталась прикоснуться к самому длинному — тому, что тянулся от левого плеча до поясницы, — и как он резко перехватил ее руку.

— Не надо, — сказал он тогда. Грубо. Отрывисто. Как солдат отдает приказ.

Он не знал, как ей объяснить. Что эти шрамы — не просто отметины на коже. Это карта его жизни. Каждый рубец — битва, каждая отметина — человек, которого он убил или который пытался убить его. Он не хотел, чтобы она к ним прикасалась. Не хотел, чтобы она знала ту тьму, в которой он жил последние пятнадцать лет.

Но вместо объяснений он просто оттолкнул ее руку.

И она запомнила это. Он видел теперь — в этих новых,

странных воспоминаниях — как погас ее взгляд в тот момент. Как она решила, что он не хочет ее близости. Что она ему неприятна.

Идиот.

Он был полным, законченным идиотом.

***

Артур отошел от окна. Тяжело опустился в кресло у камина — то самое, в котором всегда сидел по вечерам. Опершись локтями о колени, запустил пальцы в волосы.

Воспоминания продолжали течь.

Первые месяцы брака. Роза старалась изо всех сил. Она была идеальной герцогиней — по крайней мере, пыталась ею быть. Вставала ни свет ни заря, чтобы проверить, как идут дела в замковом хозяйстве. Учила имена всех слуг, запоминала их семьи, их нужды. Следила за кладовыми, за кухней, за садом. Она даже пыталась освоить бухгалтерские книги.

И каждый вечер она ждала его.

Где был он? На границе. В военных лагерях. В походах против кочевников, которые тревожили северные провинции каждую весну и осень. Во дворце, на бесконечных совещаниях с императором и Советом Лордов. Везде, где требовалась твердая рука и боевой опыт.

Он возвращался на неделю, на две, а потом снова уезжал. И каждый раз Роза встречала его с улыбкой — той самой, которая разбивала ему сердце, потому что в глубине ее глаз он видел разочарование. Она скучала. Она хотела, чтобы он

остался. Но она никогда не просила.

Она была слишком хорошо воспитана, чтобы просить.

А он был слишком глуп, чтобы понять без просьбы.

Артур помнил редкие вечера, когда он оставался дома. Она садилась рядом с ним у камина — не слишком близко, чтобы не нарушать его личное пространство. Доставала вышивание или книгу. Иногда начинала рассказывать о своем дне — о том, как повар сжёг пирог, как садовник вырастил новый сорт роз, как младший конюх влюбился в дочку кузнеца.

Он слушал вполуха. Его мысли были заняты другим — картами, донесениями, планами кампаний. Иногда он даже не отвечал, просто кивал, и она замолкала, думая, что ему неинтересно.

А ему было интересно. Просто он не умел это показать.

Боги, как же он хотел сейчас услышать ее голос. Пусть даже она будет рассказывать про сожжённый пирог. Пусть даже про сорняки в огороде. Что угодно. Лишь бы она говорила с ним.

Но в той, первой жизни, он этого не ценил.

***

Потом была ночь, когда он впервые понял, что любит ее.

Глупо, правда? Он, герцог Альба, Ледяной Генерал, как его называли в армии, понял это не в момент триумфа и не в минуту опасности. Он понял это, когда проснулся ночью и обнаружил, что Розы нет рядом.

Она стояла у окна в одной ночной рубашке, кутаясь в плед. Смотрела на луну. Плечи ее вздрагивали — она плакала, беззвучно, стараясь не разбудить его.

Он хотел подойти. Обнять. Спросить, что случилось. Но вместо этого притворился, что спит. Потому что не знал, что сказать. Не знал, как утешить. Все его навыки сводились к тому, чтобы убивать врагов и вести солдат в бой. Никто не научил его быть мужем.

На следующий день он уехал в очередной поход.

А она, как он узнал позже, плакала, потому что узнала, что беременна. И боялась сказать ему. Думала, что он не обрадуется. Что он слишком занят, слишком холоден, слишком далек, чтобы хотеть ребенка.

Когда она наконец сказала ему — спустя две недели после его возвращения, — он просто кивнул. Сказал что-то вроде «хорошо, я обеспечу все необходимое». И ушел к себе в кабинет.

Артур застонал, уткнувшись лбом в ладони. Каким же надо быть слепым дураком, чтобы ответить так женщине, которая носит под сердцем твоего ребенка?

Она ведь ждала совсем другого. Она хотела, чтобы он обнял ее. Поцеловал. Сказал, что счастлив. Но он, как всегда, спрятался за маской холодного военного. Маской, которую носил так долго, что забыл, какое у него настоящее лицо.

***

А потом появилась Анжелика.

Артур помнил тот день до мельчайших деталей. Был холодный осенний вечер. Он только вернулся из двухнедельной поездки по северным фортам, уставший, злой, с больной спиной и испорченным настроением. Хотел только одного — принять горячую ванну и лечь спать.

Но на пороге замка стояла она.

Анжелика Крисли. Дочь барона Крисли, его соседа по северным землям, его подруга детства. Они росли вместе — бегали по одним коридорам, лазали по одним деревьям, учились у одних учителей. Когда-то, совсем детьми, они даже играли в свадьбу — глупая детская игра, о которой Артур не вспоминал уже много лет.

Она изменилась. Стала выше, тоньше, изящнее. Светлые волосы, уложенные по последней столичной моде. Дорогое платье — слишком дорогое для дочери обедневшего барона. И улыбка — та самая улыбка, которую он помнил с детства, но теперь она казалась... натянутой. Словно маска, надетая поверх настоящего лица.

— Артур! — воскликнула она, всплеснув руками. — Сколько лет! Ты совсем не изменился!

— Анжелика, — он кивнул сдержанно, но не грубо. — Какими судьбами?

Она рассказала какую-то слезливую историю о том, что ее отец умер, земли отошли кредиторам, а сама она осталась без гроша и без крыши над головой. Артур слушал и кивал, а сам лихорадочно соображал.

В первой жизни — той, что была до перерождения — он тоже принял ее в замок. Дал комнату, стол, содержание. Из старой дружбы. Из чувства долга перед памятью ее отца.

Но теперь, перебирая воспоминания, он видел то, чего не замечал тогда.

Слишком дорогое платье. Слишком хорошая лошадь для разоренной дворянки. Слишком много косметики и украшений. И главное — она появилась именно тогда, когда он вернулся с границы. Словно кто-то следил за его передвижениями и выбрал идеальный момент.

Он уже знал, зачем она здесь.

Но тогда, в первой жизни, он этого не понимал. Он просто впустил ее в дом, не задавая лишних вопросов. И Роза... Роза, которая впервые за долгое время была счастлива — ее муж наконец дома, они ждут ребенка, — Роза вдруг увидела в своем доме молодую, красивую женщину, которая называла ее мужа по имени и улыбалась ему так, словно имела на это право.

Артур помнил, как изменилось лицо Розы, когда она спустилась в холл и увидела Анжелику. Как ее улыбка, адресованная мужу, медленно погасла. Как она сложила руки на животе — в защитном жесте, который он не заметил.

— Роза, познакомься, это Анжелика Крисли, дочь моего старого соседа, — сказал он тогда небрежно, словно представлял жену новому конюху. — Она поживет у нас некоторое время.

— Очень приятно, — ответила Роза. Ее голос был спокойным, но Артур, прокручивая этот момент снова и снова, слышал в нем напряжение. — Добро пожаловать в наш дом.

«Наш дом». Она сказала «наш дом», и в этих словах прозвучала тихая мольба — не забывай, что это наш дом. Наш. Мой и твой.

Он не услышал.

***

Анжелика освоилась быстро. Слишком быстро.

Уже через неделю она знала расположение всех комнат, имена всех слуг и распорядок дня герцога. Она появлялась именно там, где был Артур — в библиотеке, в оружейной, в конюшне. Она заговаривала с ним, вспоминала детство, смеялась над старыми историями.

Артур не поощрял ее. Но и не прогонял.

В этом была его главная ошибка — и в прошлой жизни, и теперь, оглядываясь назад, он понимал это с кристальной ясностью. Он не прогонял Анжелику, потому что она была нужна ему. Нужна для того, чтобы понять, кто ее послал.

Дочь разоренного барона не могла позволить себе столичные наряды. Она не могла позволить себе породистую лошадь. Она не могла путешествовать одна через полстраны без сопровождения. Кто-то стоял за ней. Кто-то вложил в нее деньги, предоставил ресурсы, дал инструкции.

Артур знал, что при императорском дворе у него немало врагов. Семья Альба была слишком влиятельной, слишком

богатой, слишком независимой. Его боялись, его ненавидели, его хотели уничтожить. Покушения уже случались — не раз и не два. Он пережил отравленный кубок, стрелу из засады, подосланного убийцу в собственной спальне.

Но теперь враги сменили тактику. Вместо того чтобы убить его, они решили разрушить его брак. Посеять раздор между ним и женой. Заставить Розу страдать. И через нее — ослабить его.

Кто это мог быть? Маркиз де Вельмонт, чьи земли граничили с Альба и который давно зарился на северные рудники? Графиня Изабелла де Шанталь, чей сын мог бы претендовать на титул, если бы не Артур? Артур не знал. Но он собирался выяснить.

Именно поэтому в первой жизни он держал Анжелику в замке. Наблюдал за ней. Ждал, когда она выдаст себя или выйдет на связь с заказчиком. Он просматривал ее переписку, следил за ее передвижениями, подсылал к ней своих людей под видом слуг.

Но он не предупредил Розу.

Почему? Артур задумался об этом сейчас, в тишине своей спальни, и ответ был горьким, как полынь. Он не предупредил жену, потому что не привык делиться своими планами. Он был военным — одиноким стратегом, который принимал решения сам и сам нес за них ответственность. Он не умел объяснять. Не умел советоваться. Не умел быть частью семьи.

И еще — он боялся. Боялся, что если расскажет Розе правду об Анжелике, о заговоре, о врагах, которые плетут интриги вокруг их семьи, — она испугается. А может быть, решит, что он преувеличивает. Или, что еще хуже, попытается помочь и сделает только хуже.

Поэтому он молчал. И Роза делала выводы сама.

***

Она видела Анжелику каждый день. За завтраком. На прогулках в саду. В гостиной по вечерам. Анжелика всегда была рядом с Артуром — ненавязчиво, но постоянно. Она смеялась над его редкими шутками, расспрашивала о войне, делала вид, что понимает его с полуслова.

Роза сидела в стороне. Бледная, молчаливая, с застывшей улыбкой на лице. Она не жаловалась, не закатывала сцен. Она была хорошо воспитана — дочь графа, а теперь герцогиня. Она знала, что жена не должна показывать ревность. Что это неприлично. Что герцог может иметь друзей, и не дело жены указывать ему.

Но она страдала. И он это видел.

Видел, как она отводит взгляд, когда Анжелика кладет руку ему на плечо. Видел, как она замолкает, когда Анжелика начинает вспоминать «их общее детство». Видел, как она все чаще запирается в своей комнате под предлогом головной боли.

Беременность не сделала ее счастливее. Она должна была сиять, расцветать, готовиться к рождению первенца. Вместо

этого Роза таяла на глазах — бледнела, худела, теряла аппетит. Придворный врач говорил, что это нормально для первых месяцев, но Артур чуял — что-то не так.

Однажды вечером она не выдержала.

Они были вдвоем в гостиной — редкий момент, когда Анжелики не было рядом. Роза сидела с вышиванием, Артур просматривал донесения с границы. Молчание было тяжелым, густым, как туман над болотом.

— Милорд, — сказала она тихо.

— Да?

— Эта женщина... Анжелика... Зачем она здесь?

Он поднял голову. Роза смотрела на него в упор, и в ее глазах стояли слезы. Не пролитые — сдерживаемые из последних сил. Вышивание дрожало в ее руках.

— Я же объяснил, — ответил он ровно. — Она дочь моего старого соседа. У нее трудные времена.

— Трудные времена, — повторила Роза. Голос ее сорвался. — Она живет в нашем доме уже два месяца,милорд. Два месяца. Она ходит за вами по пятам. Она смеется над каждой фразой. Она смотрит так, словно вы... словно ты...

Она не договорила. Отвернулась, прижав ладонь к губам.

— Роза, — Артур отложил донесения. — Ты преувеличиваешь.

— Я преувеличиваю? — она резко повернулась. Глаза ее горели — впервые за все время она смотрела на него с вызовом, а не с робкой надеждой. — Она касается тебя при

каждой возможности. Она называет тебя по имени. Она говорит о вашем детстве так, словно это было что-то... что-то особенное. Что я должна думать?

— Анжелика — старый друг. Не более.

— Друзья не смотрят так, милорд! — почти выкрикнула она. — Я не глупая. Я все вижу.

— Роза, успокойся, — он говорил спокойно, как говорят с капризным ребенком. — Ты себя накручиваешь. Это вредно в твоем положении.

— В моем положении... — она горько усмехнулась. — Мое положение — жена, которую муж держит за мебель. Мое положение — женщина, которая должна смотреть, как какая-то девица охотится за ее мужем, и улыбаться.

— Анжелика не охотится за мной.

— Тогда почему она здесь?

Повисла пауза. Артур мог бы ответить. Мог бы рассказать ей про заговор, про слежку, про то, что Анжелика — всего лишь пешка в чужой игре. Мог бы объяснить, что ему нужно время, чтобы вычислить заказчика. Что как только он это сделает, Анжелика исчезнет.

Но вместо этого он сказал:

— Тебе нужно повзрослеть, Роза.

Она замерла. Словно ее ударили. Краска отлила от ее лица.

— Повзрослеть? — повторила она шепотом.

— Да. Ты герцогиня, а не капризная девчонка. Веди себя

соответственно своему положению.

Это было жестоко. Несправедливо. И абсолютная ложь — потому что Роза вела себя идеально. Она была идеальной герцогиней, идеальной женой, идеальной женщиной. А он был последним дураком, который вместо того, чтобы защитить ее и успокоить, унижал ее словами.

Роза ничего не ответила. Она просто встала, аккуратно сложила вышивание и вышла из комнаты. Спина у нее была прямая, как струна. Она не плакала — по крайней мере, пока он мог видеть.

Но ночью, когда он проходил мимо ее спальни (они уже несколько недель спали раздельно — он говорил, что боится потревожить ее сон), он слышал приглушенные рыдания.

И даже тогда он не вошел.

3 глава.

От лица Артура Альба

Через три дня Роза потеряла ребенка.

Это случилось утром. Артур был на конюшне, когда прибежала горничная — бледная, трясущаяся.

— Ваша светлость! Ее светлости плохо! Доктора, скорее доктора!

Он не помнил, как добежал до замка. Помнил только крики — крики Розы из-за закрытой двери. И кровь — слишком много крови на простынях. И бледное лицо жены, когда слуги наконец пропустили его внутрь.

— Прости, — прошептала она, глядя на него помутневшими глазами. — Прости... я не смогла...

— Молчи, — хрипло сказал он, сжимая ее ледяную руку. — Молчи, все будет хорошо. Врач сделает все возможное.

Но хорошо не стало. Доктор развел руками — выкидыш на раннем сроке, такое бывает, причины могут быть разными. Стресс, волнение, физическая нагрузка. Может, она слишком много нервничала. Может, слишком много плакала.

Артур знал настоящую причину. Это он убил своего ребенка — своей холодностью, своим молчанием, своей жестокостью. Своей неспособностью быть мужем и отцом.

Он выгнал Анжелику в тот же день. Грубо, без объяснений. Она пыталась возражать, плакать, цепляться за его руку — он просто приказал страже вывести ее за ворота. Плевать на заговор, на заказчика, на все на свете. Ничего не имело значения, кроме Розы, которая лежала наверху и смотрела в потолок пустыми глазами.

Но было поздно.

Ребенка не вернуть. Доверия Розы — тоже. Она больше не разговаривала с ним. Не упрекала, не жаловалась — просто стала тенью. Двигалась по замку бесшумно, ела без аппетита, спала беспокойно. Иногда он ловил на себе ее взгляд — в нем не было ненависти, было что-то хуже. Пустота.

А потом началась лихорадка.

Сначала доктор сказал, что это обычная простуда — слабость после выкидыша, организм ослаблен. Но температура не спадала. Роза горела в постели, металась в бреду, звала его по имени — и в то же время отталкивала, когда он пытался приблизиться.

— Уходите, — шептала она. — Вы не любите меня... никогда не любили... уходите...

Он держал ее за руку, но она не узнавала его. В бреду она говорила о маме, о брате, о саде в родном поместье. О том, как хорошо было дома, когда она была просто дочерью графа, а не женой герцога.

Она умерла на рассвете. Тихо, без мучений. Просто перестала дышать. Артур сидел у ее постели и держал ее ладонь

— холодную, почти невесомую. Он не плакал. Генералы не плачут — так его учили. Генералы держат лицо.

Но внутри него что-то сломалось. Окончательно и бесповоротно.

***

Артур встал с кресла. Воспоминания отступили, но их вкус остался — горький, как пепел, как кровь на северном перевале. Он подошел к зеркалу и встретился взглядом со своим отражением.

Темные волосы, коротко стриженные по-военному. Тяжелый подбородок, упрямая линия рта. Шрамы — их было много. Самый заметный пересекал левую бровь и уходил к виску. Другой — от уха до уголка губ. Остальные — на плечах, груди, спине. Карта войны.

Ему было тридцать три. В зеркале отражался тот же человек, который смотрел на себя вчера, неделю назад, месяц. Но внутри он был другим. Внутри он прожил еще год — год боли, потерь и смерти. И вернулся.

В дверь постучали.

— Войдите.

Это был Грегор, его дворецкий. Пожилой мужчина с бакенбардами и безупречной осанкой. Он служил семье Альба сорок лет — еще при отце Артура, старом герцоге. Грегор знал всех, помнил все и обладал неоценимым качеством: он умел молчать, когда это требовалось, и давать советы, когда его спрашивали.

— Доброе утро, ваша светлость, — Грегор поклонился. — Я пришел узнать, будут ли какие-то особые распоряжения на сегодня.

Артур посмотрел на него долгим взглядом. В прошлой жизни Грегор был одним из немногих, кому он доверял. Старый дворецкий никогда не предавал и никогда не осуждал. Однажды, уже после смерти Розы, он тихо сказал: «Ваша светлость, порой мы теряем то, что любим, потому что боимся показать свою любовь». Тогда Артур ничего не ответил. Теперь он понимал, что Грегор был прав.

— Грегор, — сказал он. — Мне нужен совет.

Дворецкий чуть приподнял бровь. За все годы службы он, пожалуй, впервые слышал от хозяина такую просьбу.

— Я весь внимание, ваша светлость.

— Сядь.

Грегор колебался. Сидеть в присутствии герцога было нарушением этикета, и старый дворецкий блюл правила строже иных аристократов. Но Артур указал на стул, и Грегор подчинился.

— У меня есть... проблема, — начал Артур. Он подбирал слова, что для него было непривычно. Приказы он отдавал легко, а вот говорить о чувствах... — Моя жена. Роза.

— С ее светлостью что-то случилось? — насторожился Грегор.

— Нет. Пока нет. — Артур помолчал. — Грегор, ты знаешь меня с детства. Ты знаешь, какой я человек. Я солдат.

Я командую людьми, а не разговариваю с ними. Я умею принимать решения в бою, но не умею... — он запнулся. — Не умею быть мужем.

Дворецкий молчал, ожидая продолжения.

— Роза молода. Ей двадцать. Она полна жизни и... надежд. А я — старый, грубый вояка с кучей шрамов. Я не знаю, как с ней говорить. Как стать ближе. Как показать, что она мне небезразлична.

— А она вам небезразлична? — мягко спросил Грегор.

— Да, — это слово вырвалось раньше, чем Артур успел его обдумать. — Да, Грегор. Она небезразлична мне. Сильнее, чем кто-либо и когда-либо.

— Тогда в чем же дело, ваша светлость?

— Я не знаю, как это показать, — Артур сжал кулаки. — Я пытаюсь, но... получается плохо. Она видит мою холодность. Мое молчание. Ей кажется, что я равнодушен. И это не так. Совершенно не так.

Грегор задумчиво погладил бакенбарду.

— Ваша светлость, позволите ли вы мне высказаться откровенно?

— Говори.

— Вы один из лучших стратегов империи. Вы выигрывали сражения, которые считались безнадежными. Вы знаете тактику и логистику, фортификацию и дипломатию. Но женщина — это не крепость, и брак — не война. Здесь другие правила.

— Вот именно, — мрачно согласился Артур. — И я их не знаю.

— Их можно узнать.

— Как?

Грегор помедлил. Потом сказал — с тем же бесстрастным выражением лица, с каким докладывал о состоянии винного погреба:

— Любовные романы.

Артур уставился на него.

— Что?

— Любовные романы, ваша светлость. Книги, которые читают дамы. В них описываются чувства, поступки, слова — все то, из чего состоит романтическая сторона брака. Разумеется, реальная жизнь отличается от литературы, но... основные принципы можно почерпнуть.

— Ты предлагаешь мне, — медленно произнес Артур, — герцогу Альба, генералу императорской армии, победителю в тридцати семи сражениях, читать дамские романы?

— Это лишь предложение, ваша светлость.

В комнате повисло молчание. Артур смотрел на дворецкого, дворецкий — на него. Затем Артур неожиданно усмехнулся — и сам удивился этому звуку. Он не усмехался уже много месяцев, а может, и лет.

— Продолжай, — сказал он.

— Существует обширная литература на данную тему, — заговорил Грегор с таким видом, словно читал лекцию в уни-

верситете. — Романы о любви. О взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. О том, как мужчина завоевывает сердце дамы. В этих книгах описываются комплименты, жесты внимания, поступки, демонстрирующие привязанность.

— Комплименты, — повторил Артур с таким выражением, словно пробовал на вкус незнакомое блюдо. — Какие, например?

— Ну, — Грегор слегка смешался, — о красоте дамы. О ее глазах. Улыбке. О том, как она преобразила жизнь героя.

— Я не умею говорить комплименты.

— Этому можно научиться.

— По книгам?

— По книгам, ваша светлость. Например, есть роман «Пламя и роза» авторства леди Мэрион Винтер. Там герцог — тоже военный — влюбляется в юную девушку и учится выражать свои чувства. Или «Ледяное сердце» — история о генерале, который... впрочем, сюжеты схожи.

Артур скрестил руки на груди.

— И что, помогает? Чтение таких книг?

— Сложно судить, — признал Грегор. — Но я знаю по крайней мере одного камергера при дворе, который утверждал, что именно любовные романы помогли ему наладить отношения с женой после десяти лет холодности.

— Хм.

Артур подошел к окну. Солнце поднялось выше, заливая двор замка ярким светом. Где-то там, наверняка, уже

проснулась Роза. Она сейчас в своей спальне — или в саду, или в библиотеке. Она ждет его. Ждет, сама того не зная, что сегодня все будет иначе.

Потому что он вернулся. Вернулся с того света, из прошлого, из того ада, в который превратилась его жизнь после ее смерти. И второго шанса он не упустит.

— Грегор.

— Да, ваша светлость?

— Принеси мне эти книги. «Пламя и роза», «Ледяное сердце» и... что там еще есть.

— Простите? — дворецкий, кажется, решил, что ослышался.

— Неси, — твердо сказал Артур. — И еще кое-что.

— Слушаю.

— Анжелика Крисли. Дочь барона Крисли. Ты помнишь ее?

— Разумеется. Она приезжала с отцом, когда вам было лет двадцать.

— Она может скоро появиться здесь. Я хочу, чтобы ты знал: она не друг. Она враг. Ее послали, чтобы разрушить мой брак и навредить моей семье. Когда она появится, я хочу, чтобы за ней следили. Каждый шаг. Каждое письмо. Каждый разговор.

Грегор не изменился в лице, но пальцы его чуть крепче сжали спинку стула.

— Кто ее послал, ваша светлость?

— Пока не знаю. Но узнаю. Кто-то при дворе, кто хочет ослабить дом Альба. Слишком много совпадений. Ее появление именно сейчас. Ее наряды, ее лошадь — все оплачено кем-то, у кого есть деньги и влияние.

— Вы хотите, чтобы я навел справки?

— Да. Тихо. Через твоих людей в городе. Кто финансирует Крисли, кто дал ей рекомендации, кто помог добраться до герцогства. Все, что можно узнать.

— Будет исполнено.

— И еще, — Артур помолчал. — О Розе. Я хочу, чтобы ты проследил за ее здоровьем. Пусть доктор осматривает ее каждую неделю — скажешь, что это обычная процедура для всех членов семьи. И пусть на кухне готовят только свежее. И пусть в ее покоях всегда будут цветы — узнай, какие она любит.

Грегор внимательно слушал, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Будет исполнено, ваша светлость. Что-то еще?

Артур хотел сказать «нет», но остановился.

— Скажи... — он снова запнулся. — Что дарят женщинам? Кроме цветов?

— Драгоценности, ваша светлость. Книги — если дама любит читать. Сладости. Прогулки верхом, если она хорошая наездница.

— Хорошая?

— Спросите ее, ваша светлость. В этом и заключается...

сближение. Задавать вопросы и слушать ответы.

— Задавать вопросы и слушать ответы, — повторил Артур. — Звучит просто.

— И тем не менее многие мужья об этом забывают.

Артур посмотрел на дворецкого долгим взглядом. Потом кивнул.

— Ты прав. Спасибо, Грегор. Ты свободен. И...

— Да?

— Книги. Не забудь.

— Никак нет, ваша светлость, — в голосе дворецкого послышалась тень улыбки.

Когда дверь за ним закрылась, Артур снова повернулся к окну. В саду он заметил маленькую фигурку в голубом платье — Роза вышла на прогулку. Она шла медленно, опустив голову. Одна.

Его сердце сжалось. Та же картина, что и в прошлой жизни — она всегда была одна. Он никогда не составлял ей компанию. Всегда находились дела поважнее.

Не сегодня.

Он одернул камзол, пригладил волосы и направился к двери. Но на пороге задержался, бросив последний взгляд в зеркало.

Из отражения на него смотрел мужчина со шрамами. Солдат. Генерал. Герцог.

Но теперь — муж, который собирался завоевать собственную жену.

***

Однако все пошло не так, как он рассчитывал.

Артур ожидал, что его новая внимательность — прогулки, разговоры, вопросы о ее детстве — растопит лед между ними. В романах, которые он читал по вечерам, все работало именно так: герой проявлял заботу, героиня расцветала, и между ними вспыхивала любовь.

Но Роза не расцветала.

Первые дни после его «пробуждения» она еще держалась — улыбалась, благодарила за цветы, поддерживала беседу за ужином. Артуру казалось, что он на верном пути. Но потом что-то изменилось. Неуловимо. Как ветер, который вдруг переменил направление.

Сначала она стала молчаливее. Потом — холоднее. На его вопросы отвечала односложно. От прогулок отказывалась — то голова болит, то усталость, то дела по хозяйству. Он приносил ей книги, которые, как ему казалось, могли ей понравиться, — она благодарила ровным, безжизненным голосом и откладывала их на край стола.

Артур терялся. Что он сделал не так? Чем обидел?

Он снова и снова прокручивал в голове их разговоры, пытаясь найти ошибку. Но ошибки не было. Он был внимателен. Он был заботлив. Он спрашивал о ее самочувствии, о ее желаниях, о ее семье. Он даже — впервые за все время — предложил пригласить ее родителей погостить в замке.

Она тогда посмотрела на него странно. Слишком долго.

Слишком пристально. А потом сказала:

— Как скажешь, Артур.

Не «спасибо». Не «я так рада». Просто — «как скажешь».

И улыбнулась. Но улыбка вышла пустая, как бальная маска. Губы двигались правильно, а глаза оставались стеклянными.

***

Кульминация наступила за ужином.

Был тихий вечер. Слуги подали жареную куропатку с клюквенным соусом, запеченные овощи, легкое белое вино. Артур сидел во главе стола, Роза — по правую руку от него. Между ними горели свечи, отбрасывая теплые блики на скатерть.

Роза почти не ела. Она ковыряла вилкой в тарелке, отрезала крошечные кусочки и подносила их ко рту, почти не жуя. Артур заметил, что она похудела — скулы заострились, платье сидело свободнее, чем раньше.

— Ты мало ешь, — сказал он.

— Я не голодна.

— Может, попросить повара приготовить что-то другое? Что ты любишь?

— Не нужно, — она качнула головой. — Все хорошо.

Повисла пауза. Артур отпил вина, подбирая слова.

— Роза, я заметил, что ты... другая в последнее время. Что-то случилось?

— Нет, — быстро ответила она. — Ничего.

— Ты чем-то расстроена?

— Нет.

— Ты можешь сказать мне. Если тебя что-то беспокоит...

— Меня ничто не беспокоит, — она подняла на него взгляд, и Артур снова увидел эту пустоту. Вежливую, холодную, безупречную пустоту хорошо воспитанной аристократки. — Я в порядке.

— Ты не в порядке, — он отодвинул тарелку. — Я вижу. Ты стала замкнутой. Ты избегаешь меня.

— Вам показалось, ваша светлость.

«Ваша светлость». Не «Артур». Впервые за много дней она назвала его по титулу, и это было как пощечина. Он сам не ожидал, что это его так заденет.

— Роза, — он старался говорить мягко, но в голосе уже звенела сталь, — я прошу тебя. Скажи мне, в чем дело.

Она положила вилку. Вытерла губы салфеткой. Выпрямилась — спина прямая, подбородок приподнят.

— Хорошо, — сказала она. — Раз вы настаиваете.

— Я не настаиваю. Я прошу.

— Тогда я прошу вас. — Она снова это «вы». — Я прошу вас, ваша светлость: отпустите меня.

Артур моргнул.

— Отпустить? Куда?

— Домой. К родителям.

Тишина в столовой стала звенящей. Даже свечи, казалось, перестали потрескивать.

— Зачем? — спросил Артур. — Тебе здесь плохо?

— Мне здесь... — она запнулась, но быстро взяла себя в руки. — Я не справляюсь с обязанностями герцогини. Я не подхожу вам. Я думаю, будет лучше, если я уеду.

— Ты моя жена.

— Я знаю.

— Жена должна быть рядом с мужем.

— Разве? — в ее голосе мелькнула горечь. — Вам ведь и без меня хорошо. Вы заняты. У вас дела, войска, граница. Я только... мешаюсь.

— Ты не мешаешься, — Артур повысил голос помимо воли. — Кто тебе это сказал?

— Никто. Я сама вижу.

— Ты ошибаешься.

— Возможно, — она опустила глаза. — Но все же я прошу вас: позвольте мне уехать. Хотя бы на время.

Артур смотрел на нее. На ее бледное лицо, на сжатые в замок пальцы, на безжизненно лежащие на плечах волосы. Она просила об одном — уйти. Покинуть его. Вернуться в родительский дом, подальше от мужа-солдафона, который не умеет любить.

В прошлой жизни он, наверное, согласился бы. Скрепя сердце, страдая, но согласился бы. Потому что всегда ставил ее желания выше своих. Потому что думал — так будет лучше для нее.

Теперь он знал, что это не так.

— Нет, — сказал он.

Роза подняла голову.

— Что?

— Нет, — повторил он. — Я не позволю тебе уехать.

— Но...

— Ты моя жена, Роза. Ты останешься здесь. В этом замке. Рядом со мной.

Он произнес это жестко — как отдавал приказы на поле боя. И увидел, как в ее глазах что-то погасло. Последняя искра надежды — погасла.

— Как скажете, ваша светлость, — прошептала она.

И замолчала. Весь оставшийся ужин она не проронила ни слова.

***

А потом все снова изменилось.

На следующее утро Роза спустилась к завтраку с улыбкой. Той самой — теплой, милой, обворожительной улыбкой, которая когда-то заставила его сердце биться чаще. На ней было светлое платье с вышивкой. Волосы уложены. На щеках — легкий румянец.

— Доброе утро, Артур, — сказала она и села напротив. — Как ты спал?

Он едва не поперхнулся кофе.

— Э-э... хорошо. А ты?

— Прекрасно. Сегодня чудесная погода, не находишь? Я подумала, может, мы могли бы прогуляться в саду после зав-

трака?

Артур смотрел на нее и не верил своим глазам. Еще вчера она просила отпустить ее к родителям, говорила, что не подходит ему, что мешается. А сегодня — улыбается, щебечет как птичка, предлагает прогулку.

— Конечно, — сказал он. — С удовольствием.

— Чудесно! — она захлопала в ладоши. — Я так рада!

Они гуляли по саду. Роза шла рядом, легко касаясь его локтя, и рассказывала о цветах. О том, что розы в этом году особенно хороши, что садовник обещал новый сорт пионов, что она подумывает разбить небольшой огород с пряными травами.

Артур слушал и кивал. Но что-то было не так.

Сначала он не мог понять, что именно. Роза вела себя идеально. Милая, ласковая, покладистая. Именно такая, какой он хотел ее видеть — или думал, что хочет. Она смеялась над его редкими шутками, интересовалась его делами, не жаловалась и не упрекала.

Но ее глаза.

Вот что было не так. Ее глаза оставались пустыми.

Она улыбалась — губами. Она говорила — голосом. Она двигалась — телом. Но за всем этим не было ничего. Ни чувств, ни тепла, ни жизни. Словно перед ним была прекрасная фарфоровая кукла, которую завели ключом и пустили танцевать.

Артур замечал это в мелочах. Вот она смеется над его рас-

сказом о ленивом конюхе — но смех затихает на полтона раньше, чем нужно. Вот она спрашивает о его поездке в северный форт — но не дожидается ответа, переводит разговор на другое. Вот она касается его руки — но пальцы холодные и тут же отдергиваются.

Он попытался поговорить с ней об этом.

— Роза, — сказал он однажды вечером, когда они сидели в гостиной, — ты кажешься... другой.

— Другой? — она подняла бровь. — Разве? Ты же сам просил меня повзрослеть. Вот я и повзрослела.

Артур замер. Он никогда не говорил ей этих слов. Не в этой жизни. Но она произнесла их — «ты сам просил меня повзрослеть» — с такой интонацией, будто точно знала, что он мог такое сказать.

— Я не просил тебя взрослеть, — осторожно сказал он.

—Нет, конечно. Ты просто намекал. — Она улыбнулась — все той же пустой улыбкой. — Но теперь все хорошо, Артур. Я больше не доставляю тебе хлопот. Я хорошая жена?

— Ты... да. Ты хорошая жена.

— Вот видишь. — Она склонила голову к плечу, как любопытная птица. — Я учусь. Медленно, но учусь.

И снова эта пустота в глазах. Снова этот холод.

Артур не спал всю ночь. Он мерил шагами кабинет и думал. Что происходит с его женой? Она не была такой в первой жизни. Там она страдала открыто — плакала, закатывала сцены, пыталась достучаться до него. Там была боль, но

была и жизнь. А здесь...

Здесь была смерть. Медленная, тихая, скрытая за улыбками и поклонами. Роза умирала у него на глазах во второй раз — и снова он ничего не мог понять.

***

Утром Артур вызвал Грегора.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что сделал, — сказал он.

— Слушаю, ваша светлость.

— Я хочу установить наблюдение за герцогиней.

Грегор моргнул — единственный признак того, что он удивлен.

— Наблюдение? За ее светлостью?

— Не слежку, — уточнил Артур. — Но я хочу знать, что она делает в течение дня. С кем разговаривает. Чем занимается. Какие книги читает. Какие письма получает и отправляет.

— Могу я спросить, зачем?

— С ней что-то происходит. — Артур потер переносицу. — Она стала... не собой. Слишком спокойная. Слишком отсраненная.

Грегор помолчал.

— Возможно, ее светлость просто адаптируется к новой роли.

— Нет. Это другое. Я чувствую. — Артур поднял взгляд. — Я знаю, что это звучит параноидально. Но я должен быть уверен, что с ней все в порядке.

— Понимаю, — дворецкий кивнул. — Я могу поручить это одной из горничных...

— Нет, — перебил Артур. — Я бы предпочел, чтобы этим занялся кто-то из твоих людей. Тех, что работают... по особым поручениям.

— Это будет сложно, — предупредил Грегор. — Личная служанка ее светлости — Сарра. Очень преданная девушка. Строгая. Неподкупная. Она служит герцогине с первого дня и никого к ней не подпускает.

— Я знаю.

— Сарра проверяет каждую горничную, которая заходит в покои герцогини. Она сопровождает ее повсюду. Если мы попытаемся внедрить кого-то нового под видом прислуги, Сарра немедленно это заметит.

Артур задумался.

— Тогда пусть твои люди наблюдают издалека. Докладывают, куда ходит герцогиня, с кем встречается, кто приезжает и уезжает. Переписку я проверю сам — попрошу начальника почтовой станции передавать мне копии.

— Это можно устроить.

— И еще. — Артур помолчал. — В ближайшее время Роза, возможно, захочет поехать в столицу. За покупками или с визитами. Если это случится...

— Вы хотите, чтобы ее сопровождали?

— Да. Я приставлю к ней лучших рыцарей. Тех, кто служит лично мне. Но мне нужен будет кто-то еще — кто смо-

жет докладывать о каждом ее шаге в столице. Незаметно.

Грегор кивнул.

— У меня есть люди и в столице. Я свяжусь с ними.

— Хорошо. — Артур вздохнул. — И последнее. Что слышно об Анжелике Крисли?

— Наши люди следят за ней в столице. Пока ничего необычного. Она появляется на балах, тратит деньги, явно превышающие доходы баронессы. Мы отслеживаем, откуда они поступают. Результаты предварительные: деньги идут через несколько банкирских домов, один из которых — «Золотой Лев».

— Де Вельмонт? — нахмурился Артур.

— Возможно. Но это может быть и ложный след.

— Продолжайте копать. Мне нужно знать точно.

— Будет исполнено.

Когда Грегор ушел, Артур долго сидел, глядя на закрытую дверь. Мысли метались. Жена, которая стала чужой. Заговор, который плели за его спиной. И где-то там, в столице, Анжелика Крисли готовилась нанести удар.

Он должен был защитить Розу. Даже если она сама этого не хотела.

Даже если он сам был причиной ее боли.

***

Через неделю Роза сообщила, что хочет поехать в столицу.

— Мне нужно обновить гардероб, — сказала она за завтраком. — И кое-что для замка. Ткани, посуду. Ты не про-

тив?

Она говорила легко, непринужденно. Но Артур заметил, как она старательно избегает его взгляда, и как пальцы ее чуть заметно подрагивают, сжимая чашку с чаем.

— Конечно, — ответил он. — Поезжай. Я дам тебе сопровождение.

— Это не обязательно. Дорога спокойная...

— Я настаиваю. Двенадцать лучших рыцарей моего личного отряда. И карета с усиленной охраной.

Роза хотела возразить, но передумала.

— Как скажешь, Артур.

Она уехала через три дня. Артур стоял на ступенях замка и смотрел вслед карете, пока та не скрылась за поворотом дороги. На душе было скверно. Он сам не ожидал, что разлука — даже временная — так ударит по нему.

Грегор стоял рядом.

— Люди готовы, ваша светлость. Они будут сопровождать карету на расстоянии и докладывать каждый вечер.

— Хорошо.

Замок без Розы стал пустым и холодным. Артур ходил по коридорам, заглядывал в ее гостиную, в ее спальню. На туалетном столике осталась расческа. На подоконнике — забытая книга. В воздухе еще держался легкий аромат ее духов — лаванда и что-то сладкое, ванильное.

Он скучал. Отчаянно, глупо, до боли в груди.

Он пытался работать — разбирал донесения с границы,

готовил приказы, писал письма. Но мысли все время возвращались к ней. Где она сейчас? Доехала ли благополучно? Не случилось ли чего в дороге?

К вечеру прибыл первый гонец с докладом. Карета добралась до постоялого двора «Золотой Олень» без происшествий. Герцогиня чувствует себя хорошо. Остановилась на ночлег в лучшей комнате. Сарра при ней.

Артур выдохнул с облегчением, о котором никому не сказал.

На следующий день — второй доклад. Прибытие в столицу. Размещение в городском особняке Альба. Герцогиня посетила три магазина тканей и один ювелирный салон. Заказала платья, купила шаль. Настроение ровное, спокойное.

Третий день. Герцогиня была в опере. Ложа Альба, в сопровождении Сарры и двух рыцарей. После оперы — ужин в ресторане. Никаких подозрительных встреч или разговоров.

Четвертый день. Герцогиня посетила книжную лавку. Провела там два часа. Купила несколько книг. Список прилагался: две книги по ботанике, сборник стихов неизвестного Артуру поэта и роман «Герцогиня-беглянка» анонимного автора.

Артур долго смотрел на последнее название. «Герцогиня-беглянка». Что-то в этом названии заставило его сердце сжаться.

— Есть ли у герцогини планы на завтра? — спросил он гонца.

— Завтра ее светлость собирается посетить чайный салон мадам Дюбуа. После — прогулка по набережной.

— Хорошо. Передай людям: ни на шаг не отходить. Я хочу знать все.

— Будет исполнено.

Гонец поклонился и ушел. Артур остался один.

Он подошел к окну. Вечерело. В саду сгущались тени. Он думал о том, что его жена сейчас в столице, в сотнях миль от него, и он не знает, что у нее на душе. Она улыбается, ходит по магазинам, слушает оперу — но что скрывается за этим спокойствием? О чем она думает? Скучает ли по нему так же, как он по ней?

«Герцогиня-беглянка». Она купила книгу о женщине, которая бежит от мужа. Совпадение? Или намек?

Артур потер виски. Он слишком много думал. Он превращался в параноика. Но он не мог иначе. В прошлой жизни он упустил все знаки, все сигналы, все молчаливые мольбы о помощи. Теперь он ловил каждую мелочь — и каждая казалась подозрительной.

Он хотел написать ей. Взял перо, обмакнул в чернила.

«Дорогая Роза...»

Нет, слишком фамильярно. Они никогда не обменивались такими письмами.

«Ваша светлость...»

Слишком холодно. Как будто пишет управляющий.

«Роза...»

Он скомкал лист и бросил в камин. Потом взял новый.

«Роза, надеюсь, ты хорошо проводишь время в столице. Здесь без тебя тихо. Я жду твоего возвращения».

Он перечитал. Простые слова. Но искренние. И он отправил письмо с вечерней почтой, прежде чем успел передумать.

***

Карета вернулась через десять дней.

Артур вышел встречать жену во двор. Он не планировал этого — просто оказался там, когда дозорный сообщил о приближении кортежа. Стоял на ступенях, ветер трепал его волосы, сердце колотилось как перед боем.

Дверца кареты открылась. Роза вышла — элегантная, в новом дорожном платье, с аккуратной прической. Увидев его, она улыбнулась.

Той самой пустой улыбкой.

— Артур, — сказала она. — Ты меня встречаешь? Как мило.

— Я рад, что ты вернулась, — он шагнул навстречу. — Как прошла поездка?

— Замечательно. Столица как всегда прекрасна. Я привезла тебе подарок.

Она кивнула Сарре, и та достала из кареты небольшой сверток. Внутри оказался новый шейный платок — темно-синий с серебряной нитью, под цвет герба Альба.

— Спасибо, — Артур повертел платок в руках. — Краси-

вый.

— Я рада, что тебе понравилось.

Они пошли в замок. Роза рассказывала о столичных новостях — кто с кем поссорился, кто женится, кто разоряется. Артур слушал и смотрел на нее. Она держалась спокойно, говорила легко. Но он не мог отделаться от ощущения, что она все дальше и дальше от него.

Куда ближе, чем эти десять дней разлуки.

За ужином он спросил:

— Роза, ты счастлива?

Она удивленно подняла брови.

— Конечно, Артур. Почему ты спрашиваешь?

— Просто. Ты кажешься... далекой.

— Я здесь, — она положила ладонь на стол рядом с его рукой, но не коснулась. — Рядом с тобой. Как ты хотел.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива.

— Я счастлива. — Улыбка. Пустые глаза. — Правда.

Позже, когда она ушла к себе, Артур вызвал одного из людей Грегора — того, что сопровождал Розу в столице.

— Докладывай. Все, что было.

Человек говорил долго. Подробно. Герцогиня посещала магазины, салоны, театры. Все — как в ежедневных отчетах. Но была одна деталь, которая заставила Артура напрячься.

— ...и еще, ваша светлость. На четвертый день герцогиня заходила в книжную лавку. Я, как вы приказывали, проследил за покупками. Она купила несколько книг. Но была еще

одна — я не успел записать название вовремя, а потом она сразу убрала ее в саквояж. Не показывала даже Сарре.

— Что за книга?

— Не могу знать, ваша светлость. Небольшая. В темном переплете, без надписи на обложке. Похожа на дневник или записную книжку.

Артур отпустил человека и долго сидел в темноте кабинета. Дневник? Что она пишет в нем? Свои мысли? Планы? Или... письма кому-то?

Он вспомнил, как Сарра — неподкупная, строгая, преданная Сарра — смотрела на него в холле. В ее взгляде не было враждебности. Но было что-то другое. Понимание? Жалость? Словно она знала то, чего не знал он.

Он должен был поговорить с женой. По-настоящему. Без масок. Но он боялся. Боялся, что если надавит слишком сильно — она окончательно закроется. Боялся, что если спросит прямо — она солжет. А ложь из ее уст разрушит его окончательно.

Поэтому он продолжил наблюдать. Издалека. Через чужие глаза. Собирая по крупицам образ женщины, которую он любил и которую совершенно не понимал.

***

Дни шли за днями. Артур работал, читал донесения, следил за расследованием. Но каждую свободную минуту он думал о Розе.

Вечерами он сидел в библиотеке. Перед ним лежали лю-

бовные романы — те самые, которые принес Грегор. «Пламя и роза», «Ледяное сердце», «Завоевание леди». Он читал их медленно, делал пометки на полях, перечитывал особенно удачные фрагменты.

Герои этих книг знали, что делать. Они говорили женщинам красивые слова. Они дарили подарки. Они совершали подвиги. Их любили — горячо, страстно, безоглядно.

Но его жена не была похожа на героинь романов. Она не таяла от комплиментов. Не расцветала от подарков. Она жила в одном замке с ним, ела за одним столом, спала в соседней спальне — и была дальше, чем звезды.

Однажды ночью он не выдержал.

Было за полночь. Артур, как обычно, сидел в библиотеке. Но вместо романов он читал донесения по Анжелике. Люди Грегора докладывали, что она продолжает вести активную светскую жизнь. Посещает балы, принимает ухаживания какого-то молодого виконта. Деньги по-прежнему поступают через «Золотого Льва». Заказчик пока не установлен.

Артур отложил бумаги и уставился на огонь. Все эти интриги, заговоры, расследования — они имели смысл только потому, что где-то в этом замке спала женщина, которую он любил. Ради нее он вернулся с того света. Ради нее готов был сражаться с целым миром.

Но что, если она не хочет, чтобы за нее сражались? Что, если она вообще не хочет иметь с ним ничего общего?

Он встал и тихо вышел в коридор. Ноги сами принесли

его к дверям спальни Розы.

Он постоял, прислушиваясь. Тишина. Потом услышал — слабый, едва различимый звук. Скрип пера по бумаге.

Она не спала.

Артур поднял руку, чтобы постучать. И опустил.

Что он скажет ей? «Я переродился и знаю, что в прошлой жизни ты умерла из-за меня»? «Я люблю тебя, но не знаю, как это доказать»? «Пожалуйста, не будь такой пустой»?

Он развернулся и ушел.

За своей спиной он услышал, как за дверью затих скрип пера. Словно она тоже прислушивалась. Словно она тоже ждала.

Но дверь так и не открылась.

***

Наутро он снова позвал Грегора.

— Твои книги не работают, — сказал он.

— Простите, ваша светлость?

— Любовные романы. Я читал их. Я делал все, что там написано. Комплименты, прогулки, внимание. Она стала еще холоднее.

Грегор помолчал.

— Возможно, дело не в книгах.

— А в чем?

— В том, что вы делаете все по книгам, — дворецкий позволил себе едва заметную улыбку. — Герцогиня — живой человек. Она чувствует фальшь. Если вы ведете себя по ин-

струкции — она это замечает.

Артур нахмурился.

— То есть я должен был просто быть собой?

— Быть собой и одновременно — чуть лучше, чем вы есть. Разве не в этом суть любых отношений, ваша светлость?

— Быть собой... — Артур горько усмехнулся. — Я — угрюмый солдафон с кучей шрамов и проблем. Мое «быть собой» — это молчать за ужином, уезжать на границу и забывать говорить жене, что она красивая.

— Значит, вам нужно не «быть собой», а «становиться собой». Лучшей версией себя, — Грегор помолчал. — И, позвольте заметить, ваша светлость — когда вы были просто собой? Не генералом, не герцогом, не читателем любовных романов? Просто человеком, который любит свою жену и боится ее потерять?

Артур долго молчал.

— Никогда, — сказал он наконец. — Я никогда не был просто человеком.

— Возможно, с этого стоит начать.

***

В тот вечер Артур пришел на ужин без подготовки. Без заученных комплиментов, без продуманных вопросов, без сценария. Просто сел напротив жены и сказал:

— Я скучал по тебе. Когда ты была в столице.

Роза отложила вилку. Посмотрела на него. В ее глазах что-

то мелькнуло — на долю секунды. Что-то настоящее, живое. Но тут же исчезло.

— Я тоже скучала, — ответила она.

И впервые за долгое время ему показалось, что она не лжет.

4 глава.

От лица Артура Альба

Дождь барабанил по стеклу — мелкий, осенний, почти ледяной. Артур стоял у окна в кабинете и смотрел, как струи воды стекают по свинцовым переплетам оконной рамы. В камине потрескивал огонь, но он не чувствовал тепла. Уже несколько дней он не чувствовал ничего, кроме глухого, постепенно нарастающего напряжения.

Раздался стук в дверь.

— Войдите.

В кабинет вошел человек. Не Грегор — тот вошел бы бесшумно, с достоинством, как умеют только старые дворецкие. Этот двигался иначе. Мягко, быстро, чуть пригнувшись — так ходят люди, привыкшие быть незаметными. Звали его Лисандр.

В прошлом — офицер разведки при штабе Северной армии. Теперь — один из лучших людей Артура по особым поручениям. Лисандр был невысок, худощав, с лицом, которое забывалось через минуту после того, как он покидал комнату. Именно это умение — растворяться в толпе, не оставлять следа — делало его незаменимым.

— Ваша светлость, — Лисандр поклонился. — Я с докладом.

Артур указал на стул. Тот сел — на самый край, словно

был готов вскочить и исчезнуть в любой момент.

— Докладывай.

— Полный отчет о передвижениях ее светлости последней поездки в столице. — Лисандр положил на стол тонкую папку. — Здесь все: адреса, время пребывания, контакты. Но я хотел бы обратить ваше внимание на один эпизод.

— Какой именно?

— На третий день пребывания в столице, — Лисандр говорил ровно, без интонаций, словно зачитывал сводку с поля боя, — ее светлость посетила Королевскую биржу.

Артур замер. Рука, потянувшаяся было к папке, застыла в воздухе.

— Что?

— Королевскую биржу, ваша светлость. Здание на улице Монетной. Она вошла туда в десять утра и провела внутри почти два часа.

— Одна?

— В сопровождении Сарры. Рыцари охраны остались снаружи — Сарра настояла, что герцогине не нужен эскорт внутри торгового зала.

Артур опустился в кресло. Биржа. Его жена была на бирже. Эта новость не укладывалась в голове.

В первой жизни Роза никогда не интересовалась финансами. Она была идеальной герцогиней в традиционном смысле: занималась домом, садом, благотворительностью. Бухгалтерские книги замка вел Грегор, а все финансовые вопро-

сы Артур решал сам. Роза даже не спрашивала о доходах, о расходах, о состоянии семейного бюджета. Это было не в ее характере. Не в ее воспитании.

А теперь — биржа.

— Ты уверен? — спросил он, хотя знал, что Лисандр не ошибается. Этот человек не ошибался никогда.

— Абсолютно, ваша светлость. Я проследил лично. Она вошла через главный вход в десять ноль-четыре. Вышла в полдень. Все это время пробыла в галерее для посетителей.

— Ты не заходил внутрь?

— Не рискнул. Сарра знает меня в лицо. Если бы она заметила слежку, это вызвало бы вопросы.

Артур кивнул. Сарра действительно знала людей из его окружения. Она была не просто служанкой — она была тенью Розы, ее защитницей, ее доверенным лицом. С первых дней в замке она взяла на себя заботу о молодой герцогине с фанатичной преданностью. Артур уважал ее за это — но сейчас эта преданность работала против него.

— Что еще? — спросил он.

— После биржи ее светлость посетила банкирский дом «Серебряный Мост». Пробыла там около часа. Затем — чайный салон мадам Дюбуа. Там к ней присоединилась некая дама. Мы установили личность: госпожа Элеонора Винтер, вдова судовладельца. Известна в столице как... — Лисандр замялся.

— Как?

— Как успешный инвестор, ваша светлость. Она играет на бирже. Покупает и продает акции. Довольно известная фигура в финансовых кругах.

Артур медленно выдохнул. Этого следовало ожидать. Не могла же Роза просто зайти на биржу из любопытства. Если она провела там два часа, а потом встречалась с известным инвестором — значит, у нее был конкретный интерес. Конкретная цель.

— Ты узнал, о чем они говорили?

— Нет, ваша светлость. Сарра сидела за соседним столиком и следила за залом. Я не мог подойти на расстояние слышимости.

— А о чем они говорили — хотя бы предположительно?

Лисандр помолчал.

— Я видел, как госпожа Винтер показывала ее светлости какие-то бумаги. Возможно, биржевые бюллетени. Они обсуждали их около получаса. После этого ее светлость выглядела... задумчивой. Но не расстроенной. Скорее — сосредоточенной.

Артур встал и подошел к окну. Дождь усилился. Вода стекала по стеклу мутными потоками, искажая очертания сада. Все его инстинкты — инстинкты, отточенные десятилетиями войны и политических интриг, — кричали, что здесь что-то не так.

Его жена. Та самая Роза, которая в прошлой жизни плакала по ночам от одиночества и молила его о внимании —

теперь тайно посещает биржу, встречается с инвесторами и скрывает от него свои дела.

Зачем?

Ответов было два. Либо она пытается помочь ему — изучает финансы, чтобы стать лучшей герцогиней, чтобы облегчить его бремя. Либо...

Либо она готовится к побегу.

— Продолжай наблюдение, — сказал он, не оборачиваясь. — Я хочу знать о каждом ее шаге. Каждом письме. Каждой встрече.

— Будет исполнено.

— И вот что. — Артур повернулся. — Попробуй выяснить, что именно она делала на бирже. Какие бумаги смотрела. С кем говорила. Это возможно?

Лисандр задумался.

— У меня есть контакт в администрации биржи. Мелкий клерк, который за деньги готов предоставить информацию. Но это займет время.

— Действуй.

Когда Лисандр ушел, Артур еще долго стоял у окна. Дождь барабанил по стеклу, и в этом звуке ему слышалось что-то зловещее. Словно само небо пыталось предупредить его о надвигающейся беде.

***

О бирже Артур знал достаточно. В конце концов, он был герцогом, управлял огромными землями и капиталами, и

ему приходилось иметь дело с финансами. Он знал, как работают акции, что такое дивиденды, чем торговое товарищество отличается от акционерного общества.

Но он никогда не любил эту сторону жизни. Финансы казались ему грязным делом — не таким грязным, как война, но все же грязным. Спекуляции, интриги, обогащение за счет чужих провалов. Он предпочитал добывать деньги землей и оружием, а не игрой на биржевых курсах.

И его жена, его юная, нежная, воспитанная в тиши провинциального поместья Роза — неужели она тоже втянулась в это?

На следующий день после доклада Лисандра Артур сам отправился в столицу.

Он не сказал об этом Розе. Просто сообщил за завтраком, что у него дела в военном министерстве, и уехал на рассвете. Верхом, в сопровождении двух рыцарей, без кареты и без лишней помпы. Дорога заняла день — к вечеру он уже был в столице.

Городской особняк Альба встретил его тишиной. Слуги засуетились, не ожидая хозяина, но быстро взяли себя в руки. Артур прошел в кабинет, снял дорожный плащ, умылся с дороги и сразу вызвал управляющего.

— Мне нужна информация о Королевской бирже, — сказал он без предисловий. — Все, что знаешь.

Управляющий — пожилой, лысоватый мужчина с лицом, покрытым сетью морщин, — вытаращил глаза.

— Биржа, ваша светлость? Но вы же никогда не интересовались...

— Теперь интересуюсь. Говори.

И управляющий заговорил. Оказалось, что за последние полгода биржа пережила несколько серьезных потрясений. Курс акций Северной Торговой Компании — той самой, что перевозила грузы через земли Альба, — резко упал после того, как кочевники разорили два каравана. Акции Южного Банка, напротив, взлетели на слухах о военных поставках. Шли разговоры о слиянии двух крупнейших пароходств. Какая-то вдова сумела заработать состояние на перепродаже сахарных акций.

— Вдова? — перебил Артур. — Элеонора Винтер?

— Да, ваша светлость. Вы знакомы?

— Нет. Но наслышан. Что еще о ней известно?

— Госпожа Винтер — фигура в столице известная. Ее покойный муж был судовладельцем, оставил ей приличное состояние. Но она не стала просто тратить деньги, а начала их приумножать. Говорят, у нее чутье. Она скупает акции перед взлетом и продает перед падением. Многие пытаются повторить ее успех, но...

— Но?

— Но для этого нужны связи. Информация. Госпожа Винтер дружит с директором одного из департаментов биржи. Он, как говорят, сливает ей сведения раньше, чем они становятся публичными.

— Инсайдерская торговля?

Управляющий развел руками.

— Это сложно доказать.

Артур прошелся по кабинету. Значит, Роза встречалась именно с этой женщиной. С той, у которой есть доступ к закрытой информации. С той, которая играет на бирже и выигрывает.

Зачем?

Он остановился у камина, глядя на огонь.

— Завтра я пойду на биржу, — сказал он. — Как частное лицо. Без гербов, без эскорта. Мне нужно понять, что там происходит.

— Это может быть... небезопасно, ваша светлость.

— Я справлюсь.

***

На следующее утро Артур стоял перед зданием Королевской биржи.

Это было величественное сооружение в центре столицы — мраморные колонны, высокие арочные окна, барельефы с изображениями мифических существ, символизирующих торговлю и процветание. У входа толпились люди. Кого здесь только не было: купцы в добротных суконных плащах, разорившиеся аристократы с нервным блеском в глазах, клерки с бумагами под мышкой, дамы в скромных нарядах, пришедшие посмотреть на торги. Биржа была местом, где смешивались все сословия — общая страсть к деньгам

стирала границы.

Артур вошел внутрь.

Главный зал оглушал. Гул стоял такой, что на мгновение ему показалось, будто он снова на поле боя. Люди кричали, размахивали бумагами, толкались у стоек. На стенах висели огромные доски, на которых мелом выводили текущие курсы акций. Цифры менялись каждые несколько минут. Кто-то радостно вскрикивал, кто-то в отчаянии хватался за голову.

Он медленно прошелся по галерее. Старался смотреть на все глазами Розы — юной провинциальной девушки, впервые попавшей в этот водоворот. Что она здесь искала? Что хотела найти?

— Что именно интересует? — спросил у него молодой клерк, заметив, что он разглядывает доску с курсами. — Акции Северной Торговой сегодня падают, но я бы советовал покупать. Через месяц они снова взлетят, вот увидите.

— С чего ты взял? — спросил Артур.

— Интуиция, — клерк подмигнул. — И немного инсайдерской информации.

— Какой именно?

— Ну... — парень понизил голос, — говорят, герцог Альба лично возглавит карательную экспедицию против кочевников. Если это правда, торговые пути будут в безопасности. Следовательно, акции взлетят.

Артур сдержал усмешку. Значит, его собственные военные планы уже стали предметом биржевых спекуляций. Он

ничего не ответил клерку и пошел дальше.

Через час блужданий по бирже он понял, что его расследование ничего не даст. Роза была здесь — это факт. Она провела здесь два часа — тоже факт. Но что именно она делала, с кем говорила, какие сделки заключала или планировала заключить — этого он выяснить не мог. Слишком много людей. Слишком много переменных. Слишком много тех, кто не станет разговаривать с незнакомцем, даже если этот незнакомец — герцог, скрывающий свой титул.

Артур вышел из биржи с тяжелым чувством. Вопросов стало только больше.

***

Вернувшись в особняк, Артур немедленно вызвал Лисандра.

— Я был на бирже, — сказал он. — Ничего не выяснил. Нужно копать глубже.

— Я уже работаю над этим, ваша светлость. Мой контакт в администрации биржи обещал поднять записи за тот день.

— Когда будут результаты?

— Завтра. Может, послезавтра. Он боится. Если руководство узнает, что он сливает информацию...

— Заплати ему вдвое. И гарантируй защиту.

— Будет исполнено.

Артур прошелся по кабинету.

— Есть еще кое-что, — сказал он. — Госпожа Элеонора Винтер. Я хочу знать о ней все. Кто ее друзья, кто враги, кто

ее информаторы в биржевом департаменте. И главное — как она связана с моей женой. Откуда они знают друг друга. Кто их познакомил.

— Это займет время.

— Действуй.

Лисандр ушел. Артур остался один.

Он думал о том, как странно все складывается. В первой жизни его враги действовали прямо: подсылали убийц, травили ядами, нападали из засады. Грубо, примитивно, но понятно. Теперь же все стало тоньше. Запутаннее. Словно кто-то плел паутину, в которой каждую ниточку нужно было распутывать отдельно.

И в центре этой паутины была Роза.

Нет, не так. Она не была в центре — она сама плела свою собственную паутину, отдельную от его врагов. Или все-таки связанную с ними?

Артур потер виски. Голова раскалывалась. Он был военным, стратегом, тактиком. Он привык к ясности: вот враг, вот позиция, вот план атаки. Но здесь не было ясности. Здесь были только догадки, смутные подозрения и страх — страх снова потерять жену.

***

На следующий день пришли первые результаты.

Лисандр появился утром, с лицом, не предвещавшим ничего хорошего.

— Ваша светлость, у меня есть информация по госпоже

Винтер.

— Говори.

— Элеонора Винтер, сорок два года, вдова. Муж — Генри Винтер, судовладелец, умер пять лет назад. Состояние оценивается в двести тысяч золотых. Входит в совет директоров двух торговых компаний. Имеет доступ к закрытой информации через своего любовника.

— Кто он?

— Виконт Себастьян де Морни, — Лисандр сделал паузу. — Заместитель министра финансов.

Артур присвистнул. Министерство финансов. Значит, ниточка тянется к самым верхам. Виконт де Морни был известной фигурой — молодой, амбициозный, тесно связанный с партией «ястребов» при дворе. Той самой партией, которая не раз пыталась урезать военные полномочия Артура.

— Что еще?

— Госпожа Винтер и ее светлость встречались дважды. Первый раз — в чайном салоне мадам Дюбуа, как я уже докладывал. Второй раз — это было неделей позже, в доме госпожи Винтер на улице Серебряной. Герцогиня провела там четыре часа.

— Четыре часа, — медленно повторил Артур. — И что они делали?

— Не могу знать. Но на следующий день госпожа Винтер приобрела крупный пакет акций Северной Торговой Компании. Через подставное лицо.

— Северной Торговой? Той самой, что работает на моих землях?

— Да.

Артур опустился в кресло. Это уже не просто разговоры. Это конкретные действия. Элеонора Винтер купила акции компании, которая напрямую зависела от герцогства Альба. И она сделала это сразу после встречи с его женой.

Случайность? Совпадение?

Он не верил в совпадения.

— Что с биржевыми записями? — спросил он.

— Мой контакт поднял журнал посещений за тот день. Ее светлость зарегистрировалась как Роза Лотаринская — под девичьей фамилией.

Еще один удар. Она назвалась девичьей фамилией. Не Альба. Лотаринская. Словно уже не считала себя частью его семьи.

— Дальше.

— Она прошла в сектор частных консультаций. Это отдельная зона, куда допускаются только клиенты с капиталом не менее десяти тысяч золотых. Ее сопровождала какая-то женщина — вероятно, госпожа Винтер, хотя в журнале она не отмечена.

— Частные консультации, — Артур сжал подлокотники кресла. — Значит, она не просто смотрела на торги. Она консультировалась. Возможно, открыла счет.

— Это мы проверить не можем, — предупредил Лисандр.

— Счета клиентов — закрытая информация.

— Но ты можешь узнать?

— Это будет сложно. И дорого.

— Мне плевать на цену. Узнай.

Лисандр кивнул и вышел. Артур остался один.

Он смотрел в окно на серое столичное небо и пытался сложить разрозненные кусочки мозаики в единую картину. Роза была на бирже. Она встречалась с известным инвестором. Она консультировалась по финансовым вопросам, используя девичью фамилию. Она скрывала все это от мужа.

Вывод напрашивался сам собой: она готовила себе финансовую подушку. Независимый источник дохода. Что-то, что позволило бы ей существовать отдельно от Артура, если — когда — она решит уйти.

***

Артур вернулся в замок через три дня.

За это время Лисандр успел передать ему еще несколько донесений. Ни одно из них не было утешительным.

Во-первых, контакт в бирже подтвердил: Роза действительно открыла счет. На свое имя. Лотаринская, не Альба. Счет был пополнен суммой в пять тысяч золотых — происхождение денег выяснить не удалось. Не из герцогской казны, это точно. Возможно, деньги дал ее отец. Или она заняла у кого-то. Или... У Артура не было ответов.

Во-вторых, госпожа Винтер действительно приобрела акции Северной Торговой Компании — на следующий день

после встречи с Розой. Сумма сделки впечатляла: двадцать тысяч золотых. И через неделю, когда слухи о карательной экспедиции Артура достигли столицы и акции взлетели, она продала их с прибылью в тридцать процентов. Шесть тысяч чистой прибыли.

И в-третьих, было кое-что еще. Настораживающее. Несколько дней назад Роза перевела часть своих денег на счет в банкирском доме «Серебряный Мост» — тот самый, который она посетила в столице. Перевод был внутренний, в рамках империи, но Лисандр заметил кое-что странное: получатель был анонимный. Не имя, а номер счета.

— Такие счета используются для конфиденциальных операций, — объяснил Лисандр. — Их владельцы не раскрываются. Мы не можем узнать, кому ушли деньги.

— Но зачем ей переводить деньги на анонимный счет? — Артур задал вопрос скорее себе, чем агенту.

Лисандр не ответил. Ответа не требовалось. И так было понятно: Роза что-то планировала. Что-то, что она хотела скрыть от мужа.

Артур отпустил Лисандра и долго сидел в тишине, глядя на финансовые выкладки, разложенные на столе. Цифры путались в голове. Мысли метались.

Что, если он снова ошибается? Что, если все это — простое совпадение, а он накручивает себя из-за паранойи? Что, если Роза действительно просто изучает финансы, чтобы помочь ему?

Но он знал свою жену. Вернее, думал, что знал. В первой жизни она была открыта и предсказуема. Он мог читать ее как книгу — каждую эмоцию, каждое желание, каждую боль. Теперь же она стала чужой. Закрытой. Непонятной.

И от этого было страшнее всего.

***

Дома его ждала тишина.

Когда Артур вошел в замок, Роза не вышла встречать его. В прошлой жизни она всегда ждала у дверей, когда он возвращался из поездок, даже если это было посреди ночи. Она бросалась к нему, заглядывала в глаза, спрашивала о дороге. Теперь — ничего.

— Где герцогиня? — спросил он у Грегора.

— В своем кабинете, ваша светлость. Она работает.

— Работает?

— Да. Уже несколько часов. Приказала не беспокоить.

Артур снял дорожный плащ и направился в восточное крыло, где находился кабинет Розы — небольшая, уютная комната, которую он выделил ей когда-то для личных дел. Тогда она использовала ее редко: разве что для переписки с родителями или чтения книг. Теперь, судя по словам Грегора, она проводила там большую часть дня.

Он постучал.

Тишина.

Постучал еще раз, громче.

— Войдите, — голос Розы звучал глухо, словно из-за за-

крытых дверей.

Артур вошел. Кабинет встретил его запахом чернил и бумаги. На столе лежали стопки документов, какие-то расчеты, исписанные листы. Роза сидела в кресле, склонившись над большим листом бумаги, расчерченным на колонки и строки. При его появлении она подняла голову.

Она выглядела усталой. Под глазами — тени. Волосы собраны в небрежный пучок. Одежда простая, домашняя — не то что изящные платья, которые она носила раньше.

— Ты вернулся, — сказала она. Не вопрос. Констатация.

— Только что. — Артур прошел к столу. — Грегор сказал, ты работаешь.

— Да, — она не сделала попытки прикрыть бумаги, и это было странно. Раньше она бы засмущалась, спрятала бы их под книгу. Теперь — сидела спокойно, не прячась. — Проверяю счета замка.

— Счета замка? Этим всегда занимался Грегор.

— Грегор занимается основными финансами. Я решила взять на себя некоторые мелочи. — Она отвечала ровно, не отводя взгляда. — Ты не против?

— Нет, конечно. — Он помолчал. — Просто... это непохоже на тебя.

— Разве? — она чуть наклонила голову. — Ты же сам хотел, чтобы я стала хорошей герцогиней. Вот я и учусь.

Опять эти слова. «Ты сам хотел». Артур почувствовал, как внутри поднимается раздражение, и подавил его.

— Ты и так хорошая герцогиня, — сказал он.

— Теперь — еще лучше.

Она снова склонилась над бумагами, давая понять, что разговор окончен. Артур постоял еще несколько секунд, надеясь, что она скажет что-то еще. Но она молчала.

Он вышел из кабинета и закрыл дверь.

В коридоре его ждал Грегор. По лицу старика было видно, что он хочет что-то сказать, но не решается.

— Говори, — сказал Артур.

— Ваша светлость, я заметил некоторые... изменения в поведении герцогини, пока вас не было.

— Какие именно?

— Она стала еще больше времени проводить в кабинете. Иногда — до поздней ночи. Приказала принести все замковые счета за последние три года. Изучает их.

— Это все?

— Нет. — Грегор помедлил. — Она также обращалась к управляющему с вопросами о доходах герцогства. О налогах, о торговых пошлинах, о рудниках. О том, сколько приносят земли, сколько — торговля, сколько — военные контракты.

Артур нахмурился.

— И что ты ей сказал?

— Все, что она спрашивала. Она же герцогиня.

— Знаю, — Артур потер подбородок. — Просто... странно. Раньше ее это не интересовало.

— Возможно, она просто взрослеет, ваша светлость. Берет

на себя ответственность.

— Возможно.

Но Артур не верил в это. Он видел — что-то изменилось. Роза не просто взрослела. Она что-то задумала. И это «что-то» пугало его больше, чем все кочевники на северной границе.

***

Следующие дни прошли под знаком растущей тревоги.

Роза работала. С утра до вечера. Иногда — до глубокой ночи. Она больше не выходила к завтраку — приказывала подавать еду в кабинет. Обедала наспех, часто в одиночестве. Ужины, которые раньше были их единственным совместным временем, она теперь проводила молча, отвечая на вопросы односложно и постоянно думая о чем-то своем.

Артур пытался достучаться до нее. Предлагал прогуляться в саду, покататься верхом, съездить в город. Она отказывалась — мягко, но твердо. У нее дела. Ей нужно работать.

— Что за дела? — спросил он однажды напрямую.

— Разные, — ответила она. — Замковые счета, благотворительные проекты, переписка. Ты же знаешь, сколько всего у герцогини.

Он знал. В теории. Но он также знал, что раньше все эти дела не занимали у нее столько времени. Раньше она находила время и для прогулок, и для чтения, и для него.

Теперь времени для него не было.

Он ловил себя на том, что высматривает ее из окна, ко-

гда она пересекает двор. Ждет встречи в коридорах. Надеется, что за ужином она скажет ему хотя бы пару теплых слов. Но она не говорила. Она ела, вежливо поддерживала беседу, спрашивала о его делах — и тут же уходила к себе в кабинет.

Холодно. Вежливо. Пусто.

Артур начал замечать за собой странное поведение. Он стал чаще заходить в восточное крыло — туда, где находился ее кабинет. Просто проходил мимо, делая вид, что у него дела в той части замка. Прислушивался. Иногда слышал скрип пера, иногда — шелест перелистываемых страниц. Один раз — тихий голос, словно она с кем-то говорила.

С кем? Сарра была единственной, кому разрешалось входить в кабинет, но Сарра редко говорила — она была из тех служанок, что предпочитают молчать.

Однажды он не выдержал и спросил напрямую:

— С кем ты разговаривала вчера вечером в кабинете?

Роза подняла на него взгляд. Спокойный. Ровный.

— Я ни с кем не разговаривала.

— Я слышал голоса.

— Тебе показалось.

Она не лгала — по крайней мере, не выглядела так, будто лжет. Но Артур знал, что слышал голоса. Знал, что за дверью что-то происходило.

— Роза, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал мягко, — если у тебя есть что-то, о чем ты хочешь поговорить... что угодно... я здесь. Ты можешь мне доверять.

— Я знаю, — она улыбнулась. Пустой улыбкой. — Но мне не о чем говорить.

И снова склонилась над бумагами.

***

Он решил усилить слежку.

Это было непросто. Сарра, проклятая Сарра, словно чуяла его людей. Она не подпускала к Розе никого из новых слуг, лично проверяла каждую горничную, каждую посудомойку. Если кто-то казался ей подозрительным — она немедленно докладывала управляющему, и того человека убирали из замка.

Артур уважал ее за это. И одновременно ненавидел.

Люди Лисандра пытались подкупить кого-то из прислуги восточного крыла, но Сарра была начеку. Она знала каждую горничную в лицо, помнила, кто когда заступает на смену, и лично следила за тем, чтобы никто посторонний не приближался к покоям герцогини.

— Она как цепной пес, — жаловался Лисандр. — Неприступная. Неподкупная. И, кажется, не спит вообще.

— Она спит, — ответил Артур. — Просто очень чутко.

В конце концов им удалось найти лазейку. Не в замке — в городе. Одна из младших горничных, которая работала в замке уже полгода, иногда спускалась в деревню к родным. Она не имела доступа к кабинету герцогини и не знала ничего важного, но она видела, кто приходит и уходит. Видела посыльных. Видела письма.

Лисандр встретился с ней через своих людей — осторожно, под видом случайного знакомства в трактире. Горничная оказалась разговорчивой. За кружкой эля она рассказала, что герцогиня действительно много работает, но иногда к ней приходят какие-то люди из города.

— Какие люди? — спросил Лисандр.

— Не знаю. Незнакомые. Один раз был какой-то господин в черном. Важный, с портфелем. Герцогиня разговаривала с ним в гостиной.

— О чем?

— Не знаю. Меня туда не пускали. Сарра стояла на страже.

Это было немного. Но хоть что-то. Артур приказал продолжать разработку контактов.

***

Дни шли, и Артур все острее чувствовал: между ним и женой выросла стена.

Не та стена, что была в первой жизни — стена непонимания, за которой она плакала в одиночестве, а он делал вид, что ничего не замечает. Нет, теперь это была другая стена. Холодная, гладкая, возведенная с пугающей тщательностью.

Роза больше не плакала. Она вообще не проявляла эмоций. Не злилась, не обижалась, не расстраивалась. Она была идеально спокойна. Словно отгородилась от всего мира невидимым щитом, сквозь который не пробивалось ничто — ни его слова, ни его взгляды, ни его попытки сблизиться.

Это сводило с ума.

Артур привык иметь дело с врагами, которые были перед ним — видимые, осязаемые, понятные. Врага, который улыбается тебе за ужином и при этом скрывает свои мысли, он не знал, как победить. С Розой нельзя было сражаться. Ее нельзя было победить. Ее можно было только ждать — и надеяться, что когда-нибудь она сама откроет дверь.

Но она не открывала.

С каждым днем она становилась все более чужой. Он смотрел на нее за ужином — и видел не ту девушку, на которой женился полгода назад, а какую-то другую женщину. Женщину с жесткой складкой у губ. С холодным, оценивающим взглядом. С прямой спиной и сжатыми кулаками.

Однажды он попытался взять ее за руку. Просто так — без повода, без слов. Она не отдернула ладонь. Но и не ответила на прикосновение. Ее пальцы остались холодными и безжизненными в его руке.

— Роза, — сказал он. — Я люблю тебя.

Она посмотрела на него. Долго. Пристально. А потом сказала:

— Я знаю, Артур.

И ничего больше. Ни «я тебя тоже», ни просто теплой улыбки. Только «я знаю». Словно он сообщил ей, что завтра будет дождь.

Он отпустил ее руку. Она спокойно убрала ладонь на колени и продолжила есть.

***

В ту ночь Артур не мог уснуть.

Он лежал в своей спальне, глядя в потолок, и мысли крутились в голове, как белки в колесе. Что он сделал не так? Где ошибся?

В первой жизни все было иначе. Там Роза любила его — он знал это. Она страдала, да. Плакала по ночам. Ревновала его к Анжелике. Но все это было... настоящим. Эмоции, пусть и болезненные, были живыми.

Теперь же перед ним была женщина, которая вела себя так, словно ничего не чувствует. Ни к нему, ни к кому-либо еще. Она работала. Строила какие-то планы. Посещала биржу. Встречалась с инвесторами. И все это — в полной тайне от мужа.

Артур встал с постели. Накинув халат, он спустился в библиотеку. Огонь в камине давно погас, но он не стал его разжигать. Просто зажег свечу на столе и сел в свое любимое кресло.

Вокруг него высились стеллажи с книгами — дедовская гордость, лучшая библиотека в северных провинциях. Тысячи томов по истории, военному делу, естественным наукам. И где-то среди них — любовные романы, которые он читал по совету Грегора.

«Пламя и роза». «Ледяное сердце». «Завоевание леди».

Они не помогли. Все эти книги рассказывали о том, как мужчина завоевывает женщину, но ни одна из них не объ-

ясняла, что делать, если женщина уже завоевана — и вдруг стала чужой. Что делать, если она смотрит сквозь тебя, как сквозь пустое место? Что делать, если ее сердце закрылось на замок, а ключ она выбросила?

Артур сидел в темноте, и единственным источником света была одинокая свеча на столе. Он смотрел на ее дрожащее пламя и думал о том, что его брак похож на эту свечу — такой же хрупкий, такой же уязвимый для любого дуновения ветра.

В прошлой жизни он потерял Розу из-за своей холодности. В этой жизни он терял ее из-за чего-то другого. Из-за того, чего он даже не мог понять.

***

Через несколько дней Лисандр принес новые сведения. На сей раз — по поводу анонимного счета, на который Роза перевела деньги.

— Мы не смогли выяснить имя владельца, — сказал он. — Но нам удалось узнать кое-что другое. С этого счета регулярно уходят платежи. На различные адреса в столице. Аренда помещений, закупка оборудования, оплата услуг.

— Каких услуг?

— В основном — юридических. Адвокатская контора «Блэквуд и партнеры».

Артур нахмурился. «Блэквуд и партнеры» были известны в столице. Они специализировались на сложных делах: имущественные споры, разводы, раздел состояний.

Разводы.

Это слово ударило его под дых. Роза консультировалась с адвокатами по разводам? Его Роза? Его жена?

— Ты уверен? — спросил он, и голос прозвучал глухо.

— Абсолютно. Платежи проходят регулярно. Небольшие суммы — вероятно, оплата консультационных часов. Наш человек в банке подтвердил.

— Когда начались платежи?

— Три недели назад. Примерно через неделю после возвращения ее светлости из столицы.

Артур закрыл глаза. Три недели. Значит, она начала это почти сразу после той поездки. После биржи. После встречи с Элеонорой Винтер.

— Что еще?

— Мы также проверили адвокатскую контору. Один из партнеров, некий Оливер Блэквуд, младший сын основателя, специализируется именно на семейном праве. Он вел несколько громких дел о разводах среди аристократии. В том числе — дело леди Маргарет де Шанталь, которая сумелась отсудить у мужа половину состояния.

Дело леди Маргарет было скандальным. О нем говорила вся столица. Молодая жена влиятельного графа смогла доказать в суде, что муж ее не любит, пренебрегает супружескими обязанностями и вообще жесток. Она получила развод, огромные отступные и право снова выйти замуж.

Неужели Роза готовит то же самое? Неужели она собира-

ется развестись с ним?

— Продолжай следить, — сказал Артур. — И усиль наблюдение за адвокатской конторой. Я хочу знать, встречалась ли герцогиня с Блэквудом лично.

— Уже проверяем.

— И вот еще что. — Артур помолчал. — Ты говорил, что герцогиня была на бирже под девичьей фамилией. И счет открыла на девичью фамилию. Это может быть использовано в суде?

Лисандр задумался.

— В теории — да. Если жена ведет дела под девичьей фамилией, это может свидетельствовать о намерении разорвать брак. Но я не юрист, ваша светлость.

— Я понял. Свободен.

Когда дверь закрылась, Артур подошел к окну и долго смотрел на темный сад. Где-то там, в восточном крыле, его жена строила планы, о которых он ничего не знал. И каждый новый факт, каждая новая деталь вели к одному и тому же выводу.

Она хочет уйти.

Она готовится к разводу.

***

Артур не мог сидеть сложа руки.

Он вызвал своего столичного поверенного — солидного мужчину по имени Кристофер Хейл, который вел дела герцогства уже пятнадцать лет. Кристофер знал законодатель-

ство империи как никто другой.

— Мне нужна консультация, — сказал Артур, когда они остались вдвоем в кабинете. — По бракоразводным делам.

Кристофер поднял брови.

— У вас проблемы в семье, ваша светлость?

— Нет, — солгал Артур. — Просто... предосторожность. Расскажи мне, при каких условиях жена может подать на развод.

Поверенный откашлялся.

— Законодательство империи предусматривает несколько оснований для развода. Первое: измена. Но это сложно доказать, если нет свидетелей.

— Дальше.

— Второе: жестокое обращение. Физическое или моральное. Если жена может доказать, что муж ее унижал, оскорблял или причинял страдания — суд может встать на ее сторону.

— Моральное, — медленно повторил Артур. — Что под этим понимается?

— Все, что угодно, ваша светлость. Холодность, пренебрежение, длительное отсутствие. Если жена скажет, что муж не уделял ей внимания, не разговаривал с ней, держал в изоляции — это может считаться моральной жестокостью.

У Артура похолодело внутри. В прошлой жизни он делал именно это: не разговаривал, не уделял внимания, держал в изоляции. Если бы тогда Роза подала на развод — она бы

выиграла.

— Что еще? — спросил он.

— Третье: оставление. Если муж покидает жену на длительный срок без уважительной причины. Но ваши походы на границу — уважительная причина.

— А если она сама захочет уйти?

— Тогда ей нужны основания. Либо она доказывает вину мужа, либо договаривается с ним о мирном разрыве. В любом случае, ей понадобятся средства. Адвокаты, судебные пошлины, расходы на жизнь. Развод — дорогое удовольствие.

Средства. Биржа. Адвокатская контора. Анонимные счета. Все сходилось.

— Последний вопрос, Кристофер. Если жена ведет дела под девичьей фамилией — это может быть использовано против нее?

Поверенный задумался.

— Смотря в каком контексте. Если она делает это, чтобы скрыть активы от мужа — да, это не в ее пользу. Но если она просто хочет независимости... Закон не запрещает замужней женщине использовать девичью фамилию в деловых отношениях.

— Ясно. Спасибо.

Кристофер ушел, оставив Артура в смятении. Теперь у него была почти полная картина. Почти — потому что не хватало главного: прямых доказательств, что Роза действи-

тельно готовит развод.

Но косвенные улики были слишком весомыми, чтобы их игнорировать.

***

Несколько дней Артур ходил сам не свой. Он пытался работать — не мог. Пытался читать донесения — буквы расплывались перед глазами. Он ел через силу, спал урывками и все время думал. Думал о Розе. Об их браке. О том, почему все снова катится в пропасть.

В конце концов он решился на разговор.

Он выбрал момент, когда знал, что она в кабинете, и вошел без стука. Роза сидела за столом, перед ней лежали все те же бумаги. При его появлении она подняла голову.

— Артур? Что-то случилось?

— Нам нужно поговорить.

Она отложила перо.

— О чем?

— О тебе. О нас. О том, что происходит.

— Ничего не происходит. — Она говорила спокойно, но он заметил, как ее пальцы чуть сильнее сжали край стола.

— Роза, — он сел напротив. — Я знаю, что ты была на бирже. Что ты встречалась с госпожой Винтер. Что ты консультировалась с адвокатами.

Она не вздрогнула. Не побледнела. Просто смотрела на него — долго, пристально.

— Ты следил за мной.

— Да, — признал он. — Следил.

— Зачем?

— Потому что ты стала чужой. Ты закрылась. Ты что-то планируешь, и я хочу знать, что именно.

В комнате повисло тяжелое молчание. Роза смотрела на мужа, и впервые за долгое время Артур увидел в ее глазах что-то, кроме вежливой пустоты. Гнев? Боль? Он не мог понять.

— Ты хочешь знать? — тихо спросила она.

— Да.

— Тогда слушай. — Она выпрямилась. — Да. Я была на бирже. Да, я встречалась с госпожой Винтер. Да, я консультировалась с адвокатами.

У Артура упало сердце.

— Зачем?

— Затем, что я больше не хочу быть беспомощной, — ее голос звучал ровно, но в нем звенела сталь. — Я не хочу быть просто украшением твоего замка, Артур. Я не хочу сидеть и ждать, когда ты вернешься с войны, и молиться, чтобы ты не погиб. Я не хочу зависеть от тебя во всем — в деньгах, в решениях, в жизни.

— Ты не зависишь...

— Зависишь, — перебила она. — По закону все, что у меня есть, принадлежит тебе. Мои деньги, мои драгоценности, даже моя одежда — все это твое. Если завтра ты решишь запереть меня в дальней башне, никто не помешает тебе. Я

никто. Я просто твоя жена.

Артур молчал. Он никогда не думал об этом в таком ключе. Для него брак был не собственностью, а союзом. Но теперь он понимал: с точки зрения закона Роза была права.

— Я не собираюсь запирать тебя в башне, — сказал он.

— Я знаю. Но я не хочу жить с мыслью, что ты можешь. — Она вздохнула. — Поэтому я учусь. Я изучаю финансы. Я строю свой собственный капитал. Я хочу быть независимой, Артур. Не для того, чтобы уйти. Для того, чтобы иметь выбор.

— И поэтому ты встречалась с адвокатами?

— Да. Чтобы знать свои права. Чтобы понимать, на что я могу рассчитывать, если... если все пойдет плохо.

— Ты готовишься к разводу? — спросил он прямо.

Роза долго смотрела на него. Потом покачала головой.

— Я не готовлюсь к разводу. Я готовлюсь к тому, чтобы у меня был выбор. Чтобы я могла остаться с тобой не потому, что у меня нет другого пути, а потому, что я сама этого хочу.

Это было честно. Так честно, что у Артура перехватило дыхание. Он ожидал услышать ложь, оправдания, обвинения. Но она сказала правду — и эта правда была горькой.

— Я понял, — сказал он. — Я... я понимаю.

— Правда? — она посмотрела на него с сомнением.

— Да. — Он помолчал. — Я не давал тебе выбора, Роза. Ты вышла за меня, потому что так решили отцы. Ты жила в моем замке, потому что так положено. Ты ждала меня, по-

тому что у тебя не было других вариантов. Я хочу, чтобы у тебя был выбор. И я хочу, чтобы ты выбрала меня.

Она моргнула. Кажется, это было последнее, что она ожидала услышать.

— Ты... серьезно?

— Да.

Она долго смотрела на него. Потом — впервые за много дней — ее губы тронула настоящая, теплая улыбка. Не та пустая маска, которую он видел в последние недели. Настоящая.

— Спасибо, — тихо сказала она.

И в этот момент Артур понял: у него все еще есть шанс.

***

После того разговора многое изменилось.

Не сразу. Не вдруг. Но лед между ними начал таять. Роза стала чуть более открытой, чуть менее отстраненной. Она все еще много работала — теперь Артур знал, что она изучает финансы и строит собственный инвестиционный портфель. Но по вечерам она стала задерживаться за ужином. Иногда — рассказывать о том, что узнала за день. Иногда — даже спрашивать его совета.

— Акции Северной Торговой, — сказала она однажды. — Ты действительно планируешь карательную экспедицию?

— Да, — ответил он. — Через месяц.

— Тогда они вырастут еще. Может, мне прикупить?

Артур усмехнулся — впервые за долгое время.

— Прикупи, — сказал он. — Только не говори никому, что узнала от меня.

— Это будет наш маленький секрет.

И она улыбнулась. По-настоящему.

Он все еще не знал, что она пишет в своем дневнике. Все еще не знал, какие именно бумаги лежат у нее в кабинете. Все еще не знал, что за господин с портфелем приходил к ней в гостиную. Но он знал главное: она не готовилась к побегу. Она готовилась к тому, чтобы быть сильной. Чтобы быть равной ему.

И он уважал это.

Грегор как-то вечером, подавая ужин, заметил:

— В последнее время вы чаще улыбаетесь, ваша светлость.

— Да, — ответил Артур. — Я тоже это заметил.

— Рад слышать.

Артур посмотрел на старика.

— Ты знал, да? Что она не собирается уходить?

— Я подозревал, — осторожно сказал Грегор.

— И ничего мне не сказал?

— Ваша светлость, иногда человеку нужно самому пройти путь сомнений, чтобы прийти к истине. Я лишь скромный дворецкий. Мое дело — подавать ужин и вовремя давать советы.

— Твой совет насчет любовных романов... — Артур помолчал. — Он не помог с Розой. Но он помог мне понять

кое-что.

— Что именно?

— Что любовь — это не стратегия. Не тактика. Не план, который можно разработать и выполнить. Это... что-то другое. Что-то, что нужно чувствовать, а не просчитывать.

Грегор ничего не ответил, но в его глазах мелькнуло удовлетворение. Словно старый наставник, который наконец-то увидел, что его ученик усвоил урок.

***

Но пока Артур разбирался с семейными проблемами, внешние угрозы никуда не делись.

Люди Лисандра продолжали следить за Анжеликой Крисли. Она все еще была в столице, все еще вела активную светскую жизнь, все еще получала деньги через «Золотого Льва». Круг сужался: теперь Лисандр почти не сомневался, что за финансированием стоит кто-то из окружения виконта де Морни. А де Морни, в свою очередь, был заместителем министра финансов и близким соратником лорда-канцлера.

Паутина тянулась к самым верхам. И каждый новый факт, каждая новая ниточка вели к одному и тому же вопросу: кому так сильно мешает дом Альба? И почему именно сейчас?

Артур знал, что ответ где-то рядом. Но пока он не был готов к прямой конфронтации. Сначала нужно было укрепить тылы. Сначала — вернуть жену. Сначала — убедиться, что их брак выдержит любой удар.

Он разложил на столе карту империи и долго смотрел на

нее. Границы, которые он защищал. Земли, которыми управлял. Враги, которые ждали его ошибки.

А где-то там, за всеми этими линиями и названиями, была его семья. Его Роза. Его будущее.

И он не отдаст это никому.

5 глава.

От лица Розы Альба

Перо скрипело по бумаге — монотонно, размеренно, убаюкивающе. Я выводила столбик за столбиком, сверяла цифры, делала пометки на полях. Счета Северной Торговой Компании за последние полгода, отчеты рудников, калькуляции по зерновым поставкам. Когда-то эти бумаги показались бы мне китайской грамотой, но теперь, после многих недель упорного труда, я разбиралась в них почти свободно.

Почти. Иногда все же приходилось останавливаться, перечитывать абзац дважды или трижды, лезть в справочники, которые я заказала из столицы. Но это даже нравилось мне — ощущение, что я осваиваю новую территорию, шаг за шагом, цифра за цифрой. Каждый новый отчет, каждый новый столбец были еще одним кирпичиком в фундаменте моего будущего.

Того будущего, где меня не будет в этом замке.

Кабинет стал моим убежищем. Маленькая комната в восточном крыле с окном в сад, с камином, в котором почти всегда горел огонь, с книжными полками, которые я постепенно заполняла своими книгами. Здесь пахло чернилами, бумагой и сушеными травами — Сарра развешивала пучки лаванды и розмарина по углам, говорила, что это помогает от головной боли. И правда помогало.

Но дело было не только в травах. Дело было в том, что здесь, за этой дверью, я могла быть собой. Не герцогиней Альба, не женой великого полководца, не образцовой хозяйкой замка. Просто Розой. Розой Лотаринской — я все чаще мысленно называла себя девичьей фамилией. Словно примеряла ее заново, как старое платье, которое вдруг снова стало впору.

За окном сгущались сумерки. Я зажгла еще одну свечу и пододвинула ее ближе к бумагам.

— Ваша светлость.

Голос Сарры заставил меня вздрогнуть. Она двигалась бесшумно, как всегда, — я даже не услышала, как она вошла.

— Да, Сарра?

— Прибыл гонец от его светлости. Герцог просит вас спуститься в гостиную через час. У него важное сообщение.

Я отложила перо. Важное сообщение. Обычно Артур не вызывал меня официально. Если ему было что сказать, он говорил за ужином или приходил в кабинет сам. Последние недели наши отношения стали чуть теплее — после того трудного разговора, когда он признался, что следил за мной, а я выложила ему часть правды. Не всю, конечно. Только ту часть, которая была безопасна. Ту, которая объясняла мои занятия финансами и мои поездки в столицу.

Я сказала ему, что хочу быть независимой. Что хочу иметь выбор.

Я не сказала, какой именно выбор.

— Хорошо, — произнесла я, поднимаясь. — Через час буду.

— Прикажете приготовить платье?

— Нет. Я сама.

Сарра кивнула и исчезла. Я осталась стоять у стола, глядя на разложенные бумаги. Пять тысяч золотых на личном счете. Еще три — в акциях Северной Торговой, которые я купила через госпожу Винтер. И папка с документами от адвоката Блэквуда, спрятанная в потайном ящике стола — за замком, ключ от которого я носила на шее, под платьем.

Артур не знал о папке. Артур не знал о половине того, что я делала.

И это было правильно. Потому что, когда он уедет на границу — а он уедет, это лишь вопрос времени, — я должна быть готова. Когда на пороге замка появится Анжелика Крисли — а она появится, я знала это так же точно, как знала, что за зимой приходит весна, — меня здесь уже не будет.

Я тряхнула головой, отгоняя непрошеные мысли. Не сейчас. Сначала — важное сообщение.

***

Я спустилась в гостиную ровно через час. Артур уже ждал меня — стоял у камина, заложив руки за спину. При моем появлении он повернулся и улыбнулся. Улыбка у него до сих пор выходила немного неловкой — словно он не до конца привык к тому, что может улыбаться просто так, без повода. В последнее время он вообще стал улыбаться чаще. И это

настораживало.

— Роза, — сказал он. — Спасибо, что пришла.

— Ты хотел о чем-то поговорить?

— Да. — Он помолчал. — Я хотел сообщить тебе заранее. Послезавтра приезжают твои родители.

Я замерла. На мгновение мне показалось, что я ослышалась.

— Мама и папа? Сюда?

— Да. Я написал им несколько недель назад, пригласил погостить. Они согласились. Прибудут послезавтра к обеду.

— Ты... — я не находила слов. — Ты пригласил моих родителей?

— Ты скучала по ним. Я помню, ты говорила. И я подумал, что будет хорошо, если они приедут.

Я смотрела на него и пыталась понять, что чувствую. Радость — да. Я действительно скучала по маме, по папе, даже по несносному Теодору. Прошло почти четыре месяца со свадьбы, и я не видела их. Письма — это не то. Письма не пахнут маминими духами и не смеются папиным раскатистым смехом.

Но была и тревога. Родители в замке — это значит, что мне придется играть роль. Быть любящей женой, счастливой герцогиней. Улыбаться, когда мама будет спрашивать, как у нас с мужем, и говорить «все хорошо», хотя на самом деле ничего не хорошо. Хотя на самом деле я считаю дни до того момента, когда смогу уйти.

И еще — Артур сделал это сам. Без моей просьбы. Проявил инициативу. Он стал слишком внимательным в последнее время, слишком заботливым. Это усложняло все.

— Спасибо, — выдохнула я, надеясь, что голос звучит искренне. — Это... это очень неожиданно.

— Я хотел сделать тебе приятное. — Он подошел ближе. — Ты не рада?

— Рада. Просто... я давно их не видела. Немного волнуюсь.

— Не волнуйся. — Он мягко коснулся моего плеча. — Все будет хорошо. Я распоряжусь подготовить покои для гостей. Пусть погостят, сколько захотят.

— Спасибо, — повторила я. — Правда, Артур.

Я заставила себя улыбнуться. И знала, что улыбка выглядит настоящей — я хорошо научилась этому за последние два месяца. Смешивать правду с ложью. Улыбаться, когда внутри холод. Говорить «спасибо», когда на самом деле хочется сказать «отпусти меня».

Он кивнул, довольный. И в его глазах было что-то, от чего у меня на мгновение сжалось сердце. Надежда. Он надеялся, что приезд моих родителей сделает меня счастливее. Что это растопит лед между нами.

Он не знал, что лед был мне нужен. Лед защищал меня. Лед помогал мне думать.

— Я пойду, распоряжусь насчет ужина, — сказал он. — Ты, наверное, хочешь подготовиться.

— Да. Надо... надо все продумать.

Он вышел, а я осталась стоять посреди гостиной, глядя на закрытую дверь. Родители здесь. Через два дня. И мне придется смотреть в глаза маме и говорить, что у меня все хорошо. Что я счастлива. Что я люблю своего мужа.

Я не знала, смогу ли.

***

Следующие два дня прошли как в тумане. Я пыталась работать, но мысли разбегались. Мой план — тот самый план, который я выстраивала по кирпичику, — требовал доработки. Приезд родителей спутывал карты.

Когда Артур уедет на границу — а все донесения говорили о том, что это случится в ближайшие недели, — у меня будет окно. Может быть, месяц. Может быть, два. Ровно столько, сколько продлится карательная экспедиция против кочевников. К тому времени мои финансы должны быть в полном порядке. Документы от Блэквуда — готовы. Путь отхода — продуман.

Я планировала уехать на юг. Госпожа Винтер обещала помочь с жильем — у нее былисвязи, она знала людей. Адвокат Блэквуд готовил бумаги для развода — тихо, без огласки. Никто не должен был знать, пока все не будет готово.

А потом — свобода. Не та свобода, о которой я говорила Артуру. Не «свобода выбирать его». Свобода от него. От этого замка. От этого брака.

Потому что я знала, что будет дальше. Знала так же точно,

как знала, что солнце встает на востоке. Артур уедет. На пороге появится Анжелика Крисли — с ее сладкой улыбкой, с ее фальшивыми слезами, с ее «старой дружбой». И все начнется заново. Его холодность. Его отсутствие. Его неспособность быть мужем. И мои слезы в подушку. И мое одиночество в огромном замке.

Я не могла пройти через это снова. Не могла.

Поэтому я готовилась. И приезд родителей был лишь временным препятствием. Нужно было пережить его. Сыграть роль. И дождаться, когда они уедут.

Сарра взяла на себя подготовку покоев. Она лично проверила каждую комнату, каждую простыню, каждую подушку. Заказала на кухне все любимые блюда графини и графа — я когда-то рассказывала ей об этом, и она запомнила. Удивительная женщина. Единственная в этом замке, кому я доверяла безоговорочно.

Сарра знала о моих планах. Не все — я не рассказывала ей о Блэквуде и о разводе. Но она знала, что я хочу уехать. Знала, что я готовлюсь. И молча помогала — не задавая вопросов, не высказывая суждений. Просто делала то, что я просила.

— Сарра, — спросила я ее накануне приезда родителей, — ты помнишь мою маму?

— Да, ваша светлость. Вы беспокоитесь?

— Да. Она поймет, что со мной что-то не так. Она всегда понимает.

Сарра поправила складку на покрывале.

— Вы можете рассказать ей столько, сколько сочтете нужным. Или не рассказывать ничего. Это ваш выбор, ваша светлость.

— Мой выбор, — повторила я. — Да. Мой.

В день приезда я проснулась рано. Долго стояла перед шкафом, выбирая платье. Хотелось одеться так, чтобы мама ничего не заподозрила — чтобы она увидела перед собой счастливую, цветущую молодую жену, а не женщину, которая планирует побег.

В итоге выбрала светло-зеленое платье с серебряной вышивкой — не слишком парадное, но и не слишком простое. Сарра помогла мне уложить волосы, и я долго смотрела на себя в зеркало.

Оттуда на меня глядела молодая женщина с карими глазами и каштановыми волосами. Не девочка, которой я была четыре месяца назад. Не та Роза, что рыдала в подушку после первой брачной ночи. Другая. Взрослая. Серьезная. С жесткой складкой у губ, которой раньше не было.

Мама заметит. Она всегда все замечает.

Но она не узнает всего. Потому что я не скажу.

***

Карета показалась на дороге около полудня. Я стояла на ступенях замка, рядом с Артуром, и сердце колотилось где-то в горле.

Первым из кареты вышел отец — высокий, статный, с лег-

кой сединой на висках, в своем любимом темно-синем сюртуке. За ним — мама, в элегантном дорожном платье цвета лаванды, с неизменной жемчужной брошью на воротнике. И следом — Теодор, мой младший брат, пятнадцатилетний вихрь, который еще на ходу поправлял сбившийся воротник.

— Роза! — мама всплеснула руками, и ее голос — такой родной, такой знакомый — ударил меня прямо в сердце. На мгновение вся моя броня, весь мой холод дали трещину.

Я не помню, как сбежала по ступеням. Помню только, что оказалась в ее объятиях, уткнувшись лицом в лавандовый шелк, вдыхая запах ее любимых духов — роза и бергамот, тот самый аромат моего детства. И на одно короткое мгновение мне захотелось забыть обо всем: о планах, о деньгах, о разводе. Просто быть дочерью. Просто быть рядом с мамой.

— Девочка моя, — шептала она, гладя меня по голове. — Как ты выросла. Как изменилась.

— Мама...

— Тише, тише. Дай посмотреть на тебя.

Она отстранилась, взяла мое лицо в свои теплые ладони и долго вглядывалась. Потом улыбнулась — немного грустно, немного удивленно.

— Ты стала другой, — сказала она тихо. — Взрослой.

— Прошло четыре месяца, мама.

— Я знаю. Но все равно... — она не договорила. Просто еще раз обняла меня.

Отец подошел, поцеловал меня в лоб.

— Роза. Ты прекрасно выглядишь.

— Спасибо, папа.

Артур спустился к нам и приветствовал гостей — сдержанно, но тепло. Я заметила, как мама внимательно разглядывает его, ее взгляд скользил по шрамам на лице, по грубоватым чертам. Интересно, что она думает? Видит ли она то, что видела я в первые дни? Сурового, холодного воина, который не годится в мужья юной девушке? Или что-то другое?

— Добро пожаловать в замок Альба, — сказал Артур. — Для нас с Розой большая честь принимать вас.

— Спасибо, ваша светлость, — отец поклонился. — Рады быть здесь.

Теодор тем временем уже крутился вокруг, разглядывая башни замка. Его восторги немного разрядили обстановку, и я была благодарна брату за это.

***

Обед накрыли в малой столовой — без излишней помпезности, по-семейному. Артур сел во главе стола, я — по правую руку, родители — напротив, Теодор — рядом с отцом.

Первые минуты прошли в обычной светской болтовне. Как доехали? Хорошо, дороги сухие, погода прекрасная. Как чувствуют себя родственники? Все здоровы, благодарят за приглашение. Как прошел сезон в Лотарингии? Отлично, урожай зерна обещает быть рекордным.

Я слушала и почти не участвовала в разговоре. Смотрела

на маму, на папу, на Теодора — и пыталась запомнить этот момент. Когда они уедут, когда я уеду — кто знает, когда мы увидимся в следующий раз? Возможно, очень не скоро.

Мама, как всегда, была безупречна. Даже после двух дней дороги она выглядела так, словно только что вышла от портнихи. Отец, напротив, был слегка растрепан — он никогда не заботился о внешнем виде. Теодор, устав от взрослых разговоров, уткнулся в тарелку с жарким.

— Роза, — вдруг обратилась ко мне мама, — расскажи, как ты проводишь время? Чем занимаешься?

Я замешкалась с ответом. Рассказывать правду было нельзя. Но и полная ложь была опасна — мама чувствовала фальшь.

— Я... помогаю по хозяйству, — сказала я осторожно. — Учусь управляться с замком. Изучаю...

— Она изучает финансы, — спокойно закончил за меня Артур. — Герцогиня взяла на себя проверку замковых счетов и, надо сказать, делает это весьма успешно.

Я удивленно посмотрела на него. Он говорил это с гордостью. С настоящей гордостью. Словно хвалился мной перед моими родителями.

— Финансы? — отец поднял бровь. — Вот как. Это неожиданно, Роза. Ты никогда не любила цифры.

— Я и сейчас не люблю, — сказала я чистую правду. — Но это необходимо.

— Похвально, — сказала мама. — Хорошая жена должна

разбираться в делах мужа. Но не забывай и о других своих обязанностях.

Я поняла намек и почувствовала, как щеки заливаются краской. Обязанности. Дети. Продолжение рода. Тема, которую мама не могла не затронуть.

— Всему свое время, — сказала я.

— Время идет быстро, — мягко заметила она.

Я промолчала. Артур перевел разговор на другую тему, и я мысленно поблагодарила его.

***

После обеда мужчины отправились смотреть оружейную — Теодор буквально тащил Артура за рукав, а отец шел следом, посмеиваясь. Мы с мамой остались в гостиной.

Сарра принесла чай и удалилась. Я сидела в кресле у камина, сжимая в ладонях горячую чашку, и ждала. Мама расположилась напротив — прямая как струна, элегантная, с тем самым проницательным взглядом, от которого у меня с детства по спине бежали мурашки.

— У тебя красивый дом, — сказала она наконец.

— Это не мой дом, мама. Это дом Артура.

— Это твой дом, Роза. Ты герцогиня Альба. Все, что здесь есть, — твое.

Я промолчала. Формально она была права. Но по сути — я никогда не чувствовала этот замок своим. И уже не почувствую.

— Расскажи мне, — мама отставила чашку, — как у вас

с мужем?

Вот он. Вопрос, которого я ждала и боялась.

— Хорошо, — сказала я.

— Роза. Я твоя мать. Меня не нужно обманывать.

Я выдержала паузу. Потом — тщательно отмеренная смесь правды и лжи:

— Все сложно, мама. Артур... он хороший человек. Он старается. В последнее время он стал намного внимательнее. Но...

— Но?

— Но я не знаю, люблю ли я его.

Это была правда. Самая страшная, самая глубокая правда. Я действительно не знала, люблю ли я мужа. И именно поэтому я должна была уйти. Потому что оставаться в браке без любви — значит обречь и себя, и его на пожизненное несчастье.

Мама долго молчала. Потом пересела ближе — со своего кресла на диван, рядом со мной. Взяла мою руку в свои.

— Расскажи все, — попросила она. — С самого начала.

И я рассказала. Не все — но многое.

Я говорила о том, как выходила замуж с надеждой. О том, как Артур был холоден в первые месяцы — не груб, нет, но отстранен, словно я была не женой, а предметом обстановки. О том, как я пыталась быть хорошей герцогиней. О том, как он уезжал — снова и снова. О том, как я плакала по ночам от одиночества.

Я не говорила о перерождении. Не говорила об Анжелике — это имя еще ничего не значило в этой жизни, и объяснять его появление было бы слишком сложно. Не говорила о том, что уже пережила все это однажды и знаю, чем все закончится: потерей ребенка, лихорадкой, смертью.

Но то, что я рассказала — о холоде, о расстоянии, о боли — было правдой. И мама это почувствовала.

Она слушала не перебивая. Только иногда сжимала мою руку сильнее.

— А потом, — продолжала я, — что-то изменилось. Буквально в один день. Он стал другим. Внимательным, заботливым. Начал дарить цветы, приглашать на прогулки. Это было... странно. Пугающе.

— Пугающе? Почему?

— Потому что я не понимала, зачем ему это. Словно он что-то задумал. Словно я должна быть благодарна, а я не могу. — Я отвела взгляд. — Я так долго ждала этой заботы, что когда она пришла — я уже закрылась.

Мама молчала. Потом тихо спросила:

— Ты хочешь уйти от него?

Я замерла. Вот он, главный вопрос.

— Я думала об этом, — призналась я. И это тоже было правдой. — Я даже готовилась.

— Готовилась? Как?

— Изучала финансы. Консультировалась с адвокатами. Хотела быть независимой, чтобы иметь возможность уйти,

если... если все станет слишком плохо.

Я не сказала, что готовлюсь не «если», а «когда». Не сказала, что мой план уже почти готов. Но мама смотрела на меня, и мне казалось, что она видит больше, чем я говорю.

— А сейчас? — спросила она. — Ты все еще хочешь уйти?

Я почувствовала, как внутри все сжимается. Если я скажу «да» — она попытается переубедить меня. Будет говорить о долге, о чести, о том, что брак — это навсегда. Если я скажу «нет» — она не поверит. Потому что мои глаза говорят обратное.

Я выбрала третий путь.

— Я не знаю, мама. Я запуталась. Иногда мне кажется, что я могу полюбить его. Иногда — что я никогда не смогу. Я пытаюсь разобраться в себе. Поэтому я и работаю. Поэтому и учусь. Чтобы у меня было время подумать.

Мама посмотрела на меня долгим взглядом. Потом встала, подошла к окну и некоторое время смотрела в сад.

— Я хочу рассказать тебе кое-что, — сказала она. — О твоем отце. О нас.

Я насторожилась.

— Что?

— Ты знаешь, что наш брак тоже был устроен родителями?

— Да, конечно.

— Ты знаешь, что я не любила Генри, когда мы поженились?

Вот это было новостью.

— Нет. Ты никогда не говорила.

— Потому что это было не важно. — Она обернулась. — Мне было семнадцать, когда меня выдали за твоего отца. Он был старше на десять лет, вдовец, угрюмый, вечно занятый делами поместья. Первый год я чувствовала себя самой несчастной женщиной в империи.

— Мама...

— Подожди. — Она подняла руку. — Я тоже плакала по ночам. Я тоже думала, что совершила ужасную ошибку. Я даже написала письмо своей тетке в столицу с просьбой забрать меня. Но не отправила.

— Почему?

— Потому что твоя бабушка — моя мать — сказала мне то, что я запомнила на всю жизнь. Она сказала: «Лилиана, брак — это не про любовь. Брак — это про долг. Любовь придет потом, если ты будешь исполнять свой долг. А если не придет — ты все равно будешь достойной женой и матерью, и это лучше, чем быть влюбленной дурочкой, которая потеряла честь».

Я слушала, и что-то внутри меня сжималось. Долг. Честь. Слова, которые я слышала с детства. Слова, которые никогда не казались мне такими тяжелыми, как сейчас.

— И ты осталась?

— Да. Я осталась. Я перестала ждать любви и начала просто жить. Готовить, заниматься домом, помогать твоему от-

цу. И знаешь что?

— Что?

— Через год я поняла, что люблю его. Не за что-то. Не потому, что он стал другим. А просто потому, что он был моим мужем. Потому что он был хорошим человеком, который заботился обо мне — не словами, а делами.

Я молчала. Слова мамы звучали убедительно. Но они были о ней — не обо мне.

— Я рада за тебя, мама, — сказала я осторожно. — Правда, рада. Но...

— Но?

— Но я не ты.

Она посмотрела на меня долгим взглядом.

— Ты когда-нибудь хотела уйти от папы? — спросила я. — По-настоящему? Не просто написать письмо и не отправить, а собрать вещи и уйти?

— Никогда, — твердо сказала мама. — Даже в самые трудные времена.

— Никогда-никогда?

— Никогда. Потому что я знала: мой долг — быть с ним. Мой долг — любить его, даже когда это трудно. Мой долг — рожать ему детей и воспитывать их. Это то, ради чего женщина выходит замуж, Роза. Не ради бабочек в животе. Ради семьи. Ради дома. Ради детей.

Вот оно. То, ради чего она завела этот разговор. Она говорила о долге, но имела в виду меня. Она хотела, чтобы я

осталась. Чтобы я смирилась. Чтобы я исполняла свой долг, как она когда-то.

— Мама, — сказала я тихо, — а если я не такая сильная, как ты? Если я не смогу?

— Сможешь. — Она вернулась на диван, взяла мои руки. — Ты моя дочь. Ты сильнее, чем думаешь.

— Ты не понимаешь. — Я покачала головой. — Дело не в силе. Дело в том, что я не хочу так жить. Я не хочу ждать год, два, десять лет, когда придет любовь. Я не хочу просыпаться каждое утро рядом с человеком, к которому ничего не чувствую, и говорить себе: «Это мой долг».

— Но это действительно твой долг, — тихо сказала мама.

— Почему? — я подняла на нее взгляд. — Почему это мой долг? Кто это решил? Ты? Бабушка? Общество? Закон? Разве я не имею права на счастье?

— Счастье — это не то, о чем пишут в романах, Роза, — мамин голос стал жестче. — Романы пишут старые девы, которые никогда не были замужем. Настоящее счастье — это когда твой муж возвращается домой уставший и грязный, а ты даешь ему чистое полотенце и горячий ужин. И он смотрит на тебя с благодарностью.

— И этого достаточно? Благодарного взгляда?

— Этого более чем достаточно. — Она сжала мои пальцы. — Послушай меня, дочка. Ты сейчас запуталась. Ты молода, ты неопытна. Но поверь моему опыту: любовь приходит через долг, а не до него. Твой муж — хороший человек. Я ви-

дела, как он смотрит на тебя. Дай ему шанс. Дай себе шанс. Не убегай.

Я долго молчала, глядя на наши переплетенные пальцы. У мамы были красивые руки — ухоженные, с изящными кольцами. У меня — такие же. И все же мы были разными. Она нашла свое счастье в долге. А я...

Я не знала, смогу ли.

— Я попробую, — сказала я наконец. — Правда, попробую.

Это была ложь. Мягкая, сострадательная ложь, сказанная для того, чтобы мама не волновалась. Я не собиралась пробовать. Я собиралась уходить. Но ей я этого сказать не могла.

Мама улыбнулась, явно приняв мои слова за чистую монету.

— Вот и умница, — она обняла меня. — А теперь давай выпьем еще чаю. И расскажи мне про эти твои финансы. Я, признаться, ничего в них не понимаю, но мне интересно.

И я начала рассказывать — о бирже, об акциях, о госпоже Винтер, о процентных ставках и облигациях. Мама слушала, кивала, задавала наивные вопросы. И я была благодарна ей за это — за то, что она позволила перевести разговор в безопасное русло.

Но внутри меня росло глухое, тяжелое чувство.

Мама не поняла. Мама не могла понять. Ее мир был миром, где долг важнее чувств, где брак — это навсегда, где женщина не имеет права выбирать. Но мой мир был другим.

Я уже жила в том мире — и я знала, что не хочу в него возвращаться. Не хочу снова быть послушной женой, которая ждет мужа у окна и плачет в подушку. Не хочу снова терять ребенка из-за стресса и одиночества. Не хочу снова умирать от лихорадки в пустом замке, пока мой муж воюет на границе.

Я не могла сказать ей это. Но я знала: когда придет время, я уйду. Даже если это разобьет ей сердце.

***

Вечером мы снова собрались в столовой. На этот раз атмосфера была теплее — все уже освоились. Отец и Артур обсуждали военную тактику. Теодор, уставший после экскурсии, клевал носом над десертом. Мама улыбалась.

Я смотрела на них и думала о том, как все могло бы быть иначе. Если бы я любила Артура, этот вечер был бы идеальным. Семья вместе. Тепло, уют, смех. Но я не любила его. И притворство давалось все тяжелее.

После ужина Артур подошел ко мне в коридоре.

— Как прошел день? — спросил он. — Ты довольна?

— Да, — сказала я. — Спасибо, что пригласил их. Это много значит для меня.

— Я рад. — Он помолчал. — Твоя мама... она тебя любит. Это видно.

— Да. Она меня любит.

— И ты похожа на нее.

Я улыбнулась — автоматически, не задумываясь.

— Ты делаешь мне комплимент?

— Констатирую факт.

Мы постояли несколько секунд в молчании. Я чувствовала, что он хочет сказать что-то еще — что-то важное. Но я не была готова это услышать. Поэтому я просто кивнула и ушла в свою спальню.

За закрытой дверью я прислонилась лбом к прохладному дереву. Сердце колотилось быстро-быстро.

Скоро. Уже скоро. Нужно только дождаться, когда родители уедут. Нужно только дождаться, когда Артур отправится на границу. А потом — свобода.

Я открыла потайной ящик в столе и достала папку от Блэквуда. Прошение о разводе. Основание: длительное отсутствие мужа, пренебрежение супружескими обязанностями, моральная жестокость. Блэквуд говорил, что с такими бумагами у меня есть все шансы. Особенно если Артур будет на границе и не сможет явиться в суд.

Я перечитала документы. Все было готово. Не хватало только подписи — и нужного момента.

Захлопнув папку, я убрала ее обратно в ящик. Повернула ключ. Повесила его на цепочку, под платье.

Мама говорила о долге. О любви. О том, что нужно дать мужу шанс.

Но я уже дала ему шанс. В другой жизни. И он его упустил.

Второго шанса не будет.

***

На следующее утро я спустилась к завтраку с легкой головной болью — следствие беспокойной ночи. Все уже были в сборе: родители, Теодор, Артур.

— Доброе утро, милая, — отозвалась мама.

— Ты сегодня поздно, — заметил Теодор с набитым ртом. — Я уже успел в оружейную сходить и обратно.

— Ты ходил в оружейную без герцога? — нахмурился отец.

— Герцог разрешил.

— И все равно, это неприлично.

— Ничего страшного, — Артур махнул рукой. — Мальчику интересно.

Теодор просиял. Я смотрела на них и чувствовала странную отстраненность. Словно я была здесь, но в то же время — где-то далеко. Уже уехала. Уже была в столице. Уже жила своей новой, свободной жизнью.

После завтрака отец изъявил желание осмотреть конюшни. Артур вызвался сопровождать его, и я знала, что они пропадут там на несколько часов. Теодор увязался за ними. Мы с мамой остались вдвоем.

— Давай прогуляемся по саду, — предложила она. — Покажешь мне свои розы.

Я согласилась. Мы пошли по знакомым дорожкам, мимо кустов, мимо фонтана. Я показывала маме цветы, рассказывала о садовнике, который служил здесь уже двадцать лет. Но мысли мои были далеко.

— Роза, — вдруг сказала мама, — я хочу, чтобы ты кое-что поняла.

— Что?

— Ты можешь изучать финансы. Можешь работать. Можешь строить карьеру — если твой муж не против. Но никогда не забывай о главном.

— О чем?

— О своем долге. — Она взяла меня за руку. — Твой долг перед мужем — любить его. Твой долг перед семьей — родить детей. Все остальное — вторично. Финансы, биржа, акции — это все исчезнет, Роза. Деньги приходят и уходят. А семья — это навсегда.

Я молчала. Вчера она уже говорила это — почти теми же словами. Но сегодня они звучали жестче.

— Я не говорю, что ты должна быть рабыней, — продолжала мама. — Я не говорю, что ты должна терпеть унижения или жестокость. Но твой муж не жесток. Твой муж — хороший человек, который любит тебя. И твой долг — ответить ему тем же.

— Даже если я не чувствую любви?

— Даже если. Чувства придут. А если нет — ты все равно будешь достойной женой. Брак — это не только про радость. Это про ответственность. Ты взяла эту ответственность, когда сказала «да» у алтаря. Теперь неси ее с честью.

Я посмотрела на маму — на ее спокойное, красивое лицо, на седые нити в волосах, на морщинки вокруг глаз. Она ве-

рила в то, что говорила. Искренне, глубоко, без тени сомнения. Она прожила так всю жизнь — и была счастлива.

Но я не могла так.

— Я поняла, — сказала я. — Спасибо, мама.

И я поняла. Просто поняла другое. Поняла, что мы говорим на разных языках. Что ее правда — не моя правда. Что ее долг — не мой долг. И что чем скорее я уйду, тем лучше для нас обеих.

Мама обняла меня, и я позволила ей. Стояла, чувствуя тепло ее рук, и думала о том, как скоро все закончится. Родители уедут. Артур уедет. И я уеду.

И начнется новая жизнь.

***

Поздней ночью, когда все разошлись, я сидела в своем кабинете и смотрела на огонь в камине.

Родители были здесь всего второй день, но эти дни истощили меня. Постоянное напряжение, постоянная игра. Я должна была улыбаться, когда хотелось плакать. Говорить «все хорошо», когда внутри была пустота. Притворяться любящей женой, когда я считала дни до побега.

Я думала о словах мамы. Долг. Семья. Дети. Если бы она знала, что в прошлой жизни я уже пыталась исполнить этот долг — и потеряла ребенка. Если бы она знала, что я умерла, потому что муж не смог защитить меня от интриг и сплетен. Если бы она знала — стала бы она говорить иначе?

Наверное, нет. Мама была из тех людей, которые верят,

что во всем нужно винить себя. Потеряла ребенка? Значит, недостаточно заботилась о себе. Муж холоден? Значит, недостаточно старалась быть хорошей женой. В ее мире у женщины не было права на слабость. И уж точно не было права на побег.

Но я больше не жила в ее мире. Я жила в своем — мире, где у меня был второй шанс. И я не собиралась его упускать.

Я достала из потайного ящика папку от Блэквуда — ту самую, с прошением о разводе. Перечитала. Все было на месте. Адвокат сделал свою работу блестяще. Оставалось только подписать — и дождаться, когда Артур уедет.

А он уедет. Скоро. Донесения с границы становились все тревожнее. Кочевники активизировались. Еще неделя, может, две — и герцог Альба лично возглавит карательную экспедицию. Так было в прошлой жизни. Так будет и в этой.

И тогда я уйду.

Я убрала папку обратно в ящик. Повернула ключ. Повесила цепочку на шею.

Где-то вдалеке слышался голос ночной стражи, перекликавшейся на стенах. В камине догорал огонь. Я смотрела на тлеющие угли и думала о том, что осталось сделать.

Проверить счета. Перевести последние деньги. Отправить весточку госпоже Винтер — пусть подыскивает дом. Сообщить Блэквуду, что я готова подать прошение, как только герцог покинет замок.

И главное — не выдать себя. Продолжать улыбаться Ар-

туру. Продолжать играть роль. Быть милой, покладистой, заботливой — той самой женой, которую он хочет видеть.

Мама думала, что я пробую. Что я даю браку шанс.

На самом деле я просто дожидалась своего часа.

***

Через три дня родители уехали.

Мы стояли на ступенях замка — я, Артур, Грегор и слуги. Карета была готова. Теодор, уже успевший облазить весь замок и трижды подраться с местными мальчишками, нехотя залезал внутрь.

— Ну, до свидания, дочка, — отец обнял меня, потом пожал руку Артуру. — Спасибо за гостеприимство. Мы прекрасно провели время.

— Приезжайте еще, — сказал Артур. — В любое время. Замок всегда открыт для вас.

— Обязательно. — Отец занес ногу на ступеньку. — И береги ее.

— Обещаю.

Я смотрела на отца и думала: увижу ли я его снова? Когда я уйду от Артура, когда подам на развод — примет ли меня семья? Или мама скажет, что я опозорила их, и закроет передо мной двери?

Я не знала. И это было страшнее всего.

Мама обнимала меня дольше всех. Она шептала на ухо какие-то слова — нежные, материнские, — и я чувствовала, как слезы подступают к глазам. Не от умиления. От страха.

От чувства, что я предаю ее.

— Помни то, о чем мы говорили, — сказала она. — Помни о долге. Помни о любви. И все получится.

— Я помню.

Это было правдой. Я помнила. Просто я помнила, чтобы не повторить.

— Я люблю тебя, дочка.

— Я тоже тебя люблю, мама.

Она забралась в карету. Лошади тронулись. Я стояла и смотрела, как экипаж удаляется по дороге, пока он не превратился в точку на горизонте.

Артур взял меня за руку.

— Все хорошо? — спросил он.

— Да. — Я улыбнулась. — Все хорошо. Просто грустно расставаться.

— Они приедут еще. Когда захочешь.

— Обязательно.

Я сжала его пальцы в ответ — легонько, почти нежно. И снова поймала себя на мысли, что в моих жестах, в моих словах, в моих улыбках правда переплетается с ложью так тесно, что я сама уже не всегда их различаю.

Но я знала одно. Скоро все закончится. Скоро я буду свободна.

Я повернулась и пошла в замок, оставляя за спиной пыльную дорогу, удаляющуюся карету и последнюю ниточку, связывавшую меня с прошлой жизнью.

Теперь — только вперед.

***

После отъезда родителей жизнь вернулась в привычное русло. Я снова работала в кабинете, снова разбирала счета, снова изучала биржевые сводки. Но теперь каждый мой шаг был подчинен единственной цели.

Артур заходил ко мне каждый день. Он был внимателен, заботлив, почти нежен. Он приносил мне книги, которые, как ему казалось, могли меня заинтересовать. Приглашал на прогулки. Иногда просто сидел в углу кабинета, пока я работала, — молча, не мешая.

Однажды он положил передо мной документ. Доверенность на управление частью семейных активов.

— Это твое, — сказал он. — Ты доказала, что умеешь обращаться с деньгами. И я хочу, чтобы ты знала: я доверяю тебе. Полностью.

Я взяла бумагу. Пробежала глазами. Очень щедро. Очень неожиданно. И очень полезно для моего плана — но ему об этом знать не обязательно.

— Спасибо, — сказала я. — Это много значит для меня.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, Роза. — Он посмотрел на меня долгим взглядом. — И я сделаю все, чтобы это случилось.

Я улыбнулась. Он улыбнулся в ответ. И я вдруг подумала: а ведь он действительно любит меня. По-настоящему. Сильно.

От этой мысли стало больно.

Потому что я собиралась разбить ему сердце.

***

С каждым днем новости с границы становились все тревожнее. Артур проводил все больше времени в штабной комнате, совещаясь с офицерами. Я знала: скоро он уедет. Возможно, через неделю. Возможно, через две.

И тогда наступит мой час.

Я отправила письмо госпоже Винтер. Та ответила, что дом на юге почти готов. Небольшой, но уютный, в тихом районе, вдали от любопытных глаз. Аренда оплачена на полгода вперед — из тех денег, что я перевела на анонимный счет.

Я отправила письмо адвокату Блэквуду. Он подтвердил, что прошение о разводе будет подано в суд на следующий день после того, как герцог Альба покинет замок. Основания весомые, свидетели найдутся. Шансы на успех высокие.

Я проверила счета. Пять тысяч золотых на основном. Еще две с половиной — в акциях, которые потихоньку росли в цене. Плюс драгоценности, которые я могла продать в случае необходимости. На первое время хватит. А дальше — дальше я что-нибудь придумаю.

В потайном ящике стола лежали: папка с бумагами от Блэквуда, карта столицы с отмеченным домом, расписание почтовых карет, фальшивые документы на имя Розы Лотаринской — на случай, если придется скрываться. И мешочек с золотыми монетами — на самый крайний случай.

Все было готово.

Я закрыла ящик. Повернула ключ. Повесила его на цепочку, под платье — туда, где он лежал уже много дней, привычный и тяжелый, как напоминание о том, что я должна сделать.

За окном сгущались сумерки. Где-то в замке Артур совещался с офицерами. Я сидела в кресле, смотрела на огонь в камине и думала.

Я думала о маме. О том, что она сказала: «Брак — это долг». О том, как она смотрела на меня, когда прощалась: с надеждой, с любовью, с верой в то, что я послушаю ее совет.

Я думала об Артуре. О том, как он старался в последние недели. О том, как пригласил моих родителей. О том, как дал мне доверенность на активы. О том, как смотрел на меня — с надеждой и любовью.

Я думала о себе. О той Розе, которая умерла в прошлой жизни — в пустом замке, от лихорадки. О той Розе, которая сейчас сидела в кресле и планировала побег.

Иногда мне казалось, что я поступаю жестоко. Что Артур не заслужил этого. Что он действительно изменился.

Но потом я вспоминала холод его глаз в первую брачную ночь. Вспоминала, как он сказал мне: «Не надо» — когда я хотела прикоснуться к его шрамам. Вспоминала, как он уезжал и не возвращался неделями. Как я плакала в подушку. Как потеряла ребенка. Как умирала…

И я понимала: люди не меняются. Он стал внимательным

сейчас — но это ненадолго. Рано или поздно он снова станет прежним. Рано или поздно на пороге появится Анжелика Крисли. И все повторится.

Я не могла этого допустить.

Я провела пальцем по цепочке, нащупала ключ. Маленький, холодный, тяжелый. Ключ от ящика. Ключ от моего будущего .

— Ско

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.